

Евгения Сафонова

Иногда
счастливый конец
требует жертв

НекрѠман:с
Ориѡ 2

Евгения Сергеевна Сафонова
Некроманс. Opus 2
Серия «Охотники за мирами»
Серия «Тофраheyм», книга 4

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68917041
Некроманс. Opus 2: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-177860-6*

Аннотация

Тьма над Керфи сгущается. Чтобы удержать свою власть, королева Айрес готова на всё. Другой враг уже подобрался к Избранной вплотную. Пока Герберт ищет способ вернуть Еву к жизни, девушка пытается убедить противников королевы действовать сообща. Но могут ли её слова перечеркнуть десятилетия вражды и непонимания?

Кольцо интриг сжимается всё стремительнее. Пьеса подходит к концу. И одним богам известно, какую партию в ней сыграет демон с синими глазами, что следует за Евой по пятам.

Продолжение захватывающего романа «Некроманс. Opus 1» Евгении Сафоновой.

Издание дополнено иллюстрациями от художницы Полины Граф.

Тиражи предыдущих книг автора превысили 50 000 экземпляров.

Интриги и месть, древние пророчества, смерть и – музыка!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	54
Глава 3	72
Глава 4	93
Глава 5	109
Глава 6	134
Глава 7	156
Глава 8	178
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Евгения Сергеевна Сафонова Некроманс. Opus 2

*С благодарностью Наталье Платоновой – за
вычитку,*

*Ришику – за песню Кейлуса
и Мариш Поташиковой – за то, что вернула мне
радость созидания;*

*с любовью ко всем творцам, спасающим и
множащим красоту.*

Opus – лат. opus, «произведение».

*Обозначение порядкового номера данного
сочинения в списке (чаще всего хронологическом)
произведений данного автора.*

ПЕРЕФРАЗИРУЯ СЛОВАРИ

*Допускать, чтобы смерть подкрадывалась к
тебе незаметно, – это не лучшее решение. С ней
надо быть накоротке. О ней надо говорить: либо
словами, либо – как в его случае – музыкой.*

Джулиан Барнс, «Шум времени»

*После тишины лучшие всего невыразимое
выражает музыка.*

Олдос Хаксли

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сафонова Е. С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Doloroso¹

¹ Горестно, грустно (муз.).

На дворе медленно гас день, но в небе, ещё светлом, висела луна – бледно-розовая и прозрачная, как истончившийся леденец. Луна Мерки восходила на четверть месяца раз в столетие, и в эти дни она являла людям свой лик задолго до того, как к ней присоединялась луна Мегинум, в голубом свете которой керфианцы привыкли странствовать по ночам.

Сидя в своём кабинете, отодвинув кожаное кресло от столешницы (с годами службы она затвердела так, что тёмный дуб больше напоминал камень), Герберт смотрел на луну. В пальцах, выпачканных чернильной кровью многочасовых трудов, застыла книга для записей, исчерканная формулами до прорех в плотной бумаге; глаза невидяще уставились на розовый круг.

Гербеуэрту тир Рейолю он напоминал циферблат часов, по которым ползла невидимая стрелка, отсчитывая дни, оставшиеся до свершения семисот тридцатого пророчества Лоурен.

– Не выходит? – участливо спросил Мэт, проявляясь в воздухе за письменным столом.

Герберт молчал; посреди стола в медном подсвечнике сиял единственный магический кристалл, и полутьма, разливаясь по комнате, пахла пылью, бессонницей и тщетными усилиями.

– Не расстраивайся. В конце концов, ты сейчас тратишь силы на то, чтобы держать в стазисе целого мёртвого дракона. – Демон вздохнул, скрестив на груди руки, облитые мер-

цающей звёздной синевой. – Подгадила вам милая тётушка с этим убийством, конечно... Хотя я бы сказал, что удача и так сопутствовала вам неприлично долго.

– Ничего непоправимого не произошло, – в голосе некроманта мёртвые листья шелестели под крадущимися шагами. – Я изначально не рассчитывал, что на момент свершения пророчества дракон будет живым.

– Златовласке это скажи. Только голову береги. Сам знаешь, она у нас отличается забавной привычкой привязываться к разным странным несимпатичным зверушкам... вроде тебя.

Герберт отвернулся. Придвинув кресло к столу, шлёпнул книгу на стол; взяв перо, в сотый раз начал писать неподдающуюся рунную формулу.

Ножки скрипнули по паркету так, словно тонкий голосок ехидно хихикнул, насмехаясь над его неудачами.

– Не тревожит, что твоя любовь всё больше отчаивается, а ты ничем не можешь ей помочь?

– А она отчаивается? – не поднимая головы, уточнил некромант.

– Неживой быть невесело, знаешь ли. Пока ты кормишь её одними только обещаниями, а ими вечно сыт не будешь. – Мэт небрежно стряхнул с рукавов невидимые пылинки. – Она, конечно, бодрится как может и лицо старается держать, чтобы тебя не расстраивать, но...

Герберт не ответил. Лишь сидел ещё долго, царапая пером

желтоватую бумагу, склонившись над столом так низко, что золотистые пряди почти касались чернильных строк.

Потом, в который раз перечеркнув написанное, швырнул перо перед собой, смазав невысохшие чернила, и открыл нижний ящик стола.

– Я мог бы подсобить с её воскрешением. Мне нетрудно. И цену возьму умеренную.

– Справлюсь своими силами, – сказал Герберт, достав маленькую деревянную табакерку.

– Не совсем своими.

Поставив табакерку рядом с книгой, Герберт откинул резную крышку.

На свету порошок, черневший в лакированной коробочке, едва заметно отливал серебристым. Керфианцы прозвали его «звёздной пылью», хотя, конечно, звёзды тут были ни при чём: порошок этот добывали из цветка, когда-то росшего только в горах, а теперь заботливо культивируемого людьми, которые зарабатывали на этом немалые деньги. Впрочем, говорили, что звёздная пыль может помочь увидеть хоть звёзды, хоть луны, хоть самого Жнеца.

Если промахнуться с дозировкой, вероятность встречи с последним резко увеличивалась.

– Можешь сколько угодно думать, что эта дрянь не вреднее спиртного, которым баловался твой батюшка, но я-то знаю. В прошлый раз тебе повезло. В этот может не повезти, – прочувственно молвил Мэт. – Подумай хорошенько.

Вдруг проще договориться... чем делать то, что ты делаешь последние дни.

– Прочь.

Качнув головой – таким жестом любящий старший брат мог бы прощаться с непутёвым младшим, – демон медленно растаял во мраке, сползавшемся к Герберту из дальних углов.

Смочив палец слюной, Герберт коснулся рассыпчатой чёрной горки. Повернув ладонь, пару секунд смотрел, как стремительно темнеют крупинки, прилипшие к коже.

Последний раз. Это же может быть последний раз, верно? Ему осталось чуть-чуть, чтобы заглянуть за ту грань, где прятался от него правильный ответ. Буквально пара шагов, которые так трудно сделать самому. Гораздо легче, когда тебя не сковывают узкие рамки черепной коробки, когда ты забываешь о существовании невозможного, когда разум словно высвобождается из клетки и летит в заоблачную высь, скрывающую истину, а тело – бесполезный кожный мешок, полный мяса и костей, – перестаёт бесконечно требовать еду, отдых, сон...

Даже если не выйдет сейчас, ночью он попробует снова. И, может, ещё чуть-чуть увеличит дозу.

В конце концов, он увеличивал её уже не раз, и это не привело ни к чему дурному.

– Справлюсь, – повторил Герберт, прежде чем слизнуть порошок с руки.

Эльен заглянул в «детскую», когда последнее нежное ре «Размышления» Массне ещё не истаяло в жарком блеске рассыпанного по полу золота.

Ре-мажорная тоника, отстранённо думала Ева, широко и бережно ведя смычок в завершающем движении. *Забавно*. Ре мажор звучит в их маленькой сокровищнице – тональность золота для синестетика Скрябина, тональность, в которой старый Барон из «Скупого рыцаря» Рахманинова любовался своими драгоценностями...

– Урок танцев, лиоретта, – мягко напомнил призрак, когда в тишине остался лишь один звук: потрескивание негаснущего огня.

Ева покорно поднялась со стула. Уложив Дерозе в футляр, погладила на прощание яйцо.

– Я вернусь, – зачем-то сказала она, прежде чем вскинуть виолончель на плечо и выйти, плотно прикрыв за собою дверь.

Герберт сообщил, что, если держать яйцо в нужных условиях, маленький дракончик вылупится и без матери. Слабое, но всё-таки утешение. Хотя оно не помешало Еве впасть в истерику – вторую за два дня, – когда некромант принёс весть о гибели Гертруды.

Ева сама удивилась, как эта весть выбила её из колеи. Ка-

залось бы, она знала драконицу всего ничего. И за это «ничего», как выяснилось, успела так к ней прикипеть, что, когда схлынула первая постыдная эмоция – облегчение, что формулировка клятвы не утянула Герберта следом, – расплакалась и самозабвенно наорала на некроманта. Крича, что это их вина, что она знала, что он не подумал...

Тот даже не отпирался. Стоял, опустив руки, опустив голову, такой покорный, что Еве тут же стало стыдно.

«Я виноват, – тихо возразил Герберт, когда она обняла его, бормоча слова извинения, твердя, что он ни в чём не виноват. – И я искуплю вину. Исправлю то, что ещё могу».

Что ж, если они помогут единственному уцелевшему детёнышу Гертруды появиться на свет, вырасти дракончиком, который однажды расправит крылья и взлетит в зовущее его небо, – наверное, это и правда немножко искупит их вину. Так что боль Ева топила в занятиях, до изнеможения отрабатывая двадцать четвёртый каприз Паганини: она загорелась сыграть виолончельное переложение с тех пор, как впервые услышала его в исполнении Йо-Йо Ма. Дома она пару раз едва не переигрывала руки, заучивая вечно фальшивящее пиццикато в девятой вариации или проклятые децимы в шестой, но в волшебном мире мышцы – всегда холодные – даже не уставали. А дозанимавшись в своей комнате до ощущения, что пальцы вот-вот начнут кровить, растворив всю тоску в утомлённом отупении, она шла в «детскую» маленького дракончика: надеясь, что песни Дерозе могут хоть немного за-

менить те песни, что он уже никогда не услышит от мамы.

О том, что услышать маму ему не суждено, Ева рассказывать не стала. Плакать в обнимку с яйцом тоже, хотя хотелось. Оставалось надеяться, что он ещё слишком маленький, чтобы слышать истину в сердцах, как Гертруда.

Прорваться в музыке Ева этой истине не позволяла.

– Эльен, вы знали, что Герберт боится смерти? – спросила она невпопад, следом за призраком возвращаясь в спальню, – страстно желалось поговорить и подумать о чём угодно другом.

Как Айрес могла так поступить? Без раздумий уничтожить то, чего наверняка даже не понимала, чьей красоты наверняка не могла оценить?..

– Странная особенность для некроманта, – откликнулся призрак невозмутимо, учтиво раскрывая перед ней дверь. Ева так и не поняла, был это положительный или отрицательный ответ. – Хотя... ты можешь каждый день иметь дело со смертью других, но твоя собственная продолжит пугать тебя.

– Он слишком много имел дел со скелетами. И слишком мало с живыми людьми. – Вернувшись в свою комнату, Ева опустила футляр с Дерозе на пол и принялась протирать струны и корпус инструмента. В сокровищнице делать это не хотелось – всё равно что выносить закулисные тайны на сцену. – С чего он вообще заперся здесь в окружении одной нежити? Помимо всего, что я уже знаю?

– Двух слуг поймали на шпионаже. Вскоре после гибели

ли его родителей. Одного подкупила королева, другого – ли-
эр Кейлус. Тогда господин Уэрт решил, что вполне сможет
обойтись прислугой, которая точно его не предаст.

Ева лишь нахмурилась, скользя мягкой тряпочкой по ла-
кированному дереву.

– Он так хорошо знаком с последствиями смерти, что те-
перь для него всё тлен. Суета и пыль. Всё, кроме того, что мо-
жет его обессмертить. – Закончив с инструментом, она про-
шла с чисткой по древку смычка. – А самое обидное, что
в чём-то он прав. Я вот тоже боюсь умирать.

– Смерть – естественная часть жизни. То, что придаёт ей
смысл. Лишь смерть заставляет нас ценить дарованные нам
мгновения.

– Да. Знаю. Слышала. – Убрав смычок на его законное
место в футляре, Ева аккуратно опустила крышку, пытаясь
не ассоциировать это действие с тем, что совершают на по-
хоронах. – Но всё равно хотела бы, чтобы этих мгновений
было как можно больше.

Мысли неумолимо возвращались к Гертруде.

Конечно, странно задаваться вопросом, как королева мог-
ла так поступить. Если Айрес хотела во что бы то ни ста-
ло предотвратить исполнение пророчества, вполне логично,
что следом за обещанной Лоурэн спасительницей она уни-
чтожила и обещанное Лоурэн чудовище. Герберту королева
могла говорить что угодно, но Ева была уверена: отправля-
ясь в замок Гертруды, в первую очередь Айрес руководи-

валась предсказанием. Чудесно ведь всё складывается: Избранная мертва, чудище, которое той суждено было прикончить, тоже. Сиди себе спокойно на троне да лелей дальше тиранические планы. А им остаётся лишь осуществить тот план, что Герберт задумал изначально: разыграть спектакль, где мертва не только Избранная, но и убиваемый ею дракон.

Он наведалься в опустевший драконий замок вскоре после празднества, обернувшегося кошмаром. Ныне законсервированное тело Гертруды ждало часа, когда некромантия и иллюзии, дым и зеркала ненадолго придадут ему подобие жизни, прежде чем оно упокоится навсегда – на дне озера.

Ева не знала, чего Герберту стоит одновременно поддерживать три стазиса – её, Гертруды и Мелка. Выглядел он в последние дни... не сказать, чтобы плохо, но странно.

– Некоторые вещи просто не созданы для того, чтобы медленно увядать, – проговорил Эльен мягко. – Одни огни загораются, дабы тлеть медленно и долго, тихо согревая тех, кто вокруг. Другие – чтобы прогореть в один миг яркой вспышкой, оставив за собой пламенный след в истории или чьей-то памяти. Не нам судить, почему боги готовят нам столь разное предназначение и столь разные сроки.

– Мы собираемся использовать её тело, Эльен. Гертруды. Поднять её, чтобы я могла «убить» её у всех на глазах. – Ева встала и яростно потрянула головой. – Это так... мерзко.

Слова вырвались произвольно. Наверное, потому что думать о собственном сроке ей не слишком хотелось.

Несмотря на непрошибаемый оптимизм, на котором Ева благополучно дотянула до своей семнадцатой весны, тихий пакостный голосок всё чаще напоминал ей, что формально она составляет Гертруде компанию – и имеет все шансы скоро присоединиться к ней с концами. Если до Евы в ближайшее время не доберётся Айрес, в далёкой перспективе доберётся отчаяние. Она слишком хорошо знала себя, чтобы не понимать: она не сможет вечно жить – *существовать* – как сейчас. Даже долго не сможет.

Забавно: яснее всего осознаёшь, что с твоей жизнью что-то всерьёз не так, когда в попытках отвлечься от невесёлых мыслей приходишь к мыслям ещё менее весёлым...

– Вы слишком много значения придаёте плотским останкам, лиоретта. – Призрак, явно не видевший в этом никакой крамолы, с лёгким осуждением качнул головой. – Все религии проповедуют бессмертие души, но отчего-то придают невероятное значение посмертию тела. Здесь, в Керфи, к смерти относятся так, как и должно к ней относиться. Смертная оболочка – только обёртка. Фантик для души сродни конфетному. Вы некогда говорили, что в вашем мире деяния некромантов мнят надругательством над мёртвыми... Но ведь мы просто бережём фантик вместо того, чтобы выбрасывать его, позволяя бесполезно и бесславно пропасть. Даём ему выполнять то же, что он выполнял, пока суть его была в нём. Разве это не дань уважения к тому, кто всё равно уже нас покинул? Я лично ни капли не возражал бы, если б

сейчас в кухне трудился и мой скелет, будь он к тому пригоден. И не думаю, что возражала бы ваша драконица. – Взгляд призрака будто касался щеки тёплой ласковой ладонью. – Ей это тело всё равно уже ни к чему. Если оно может оказать кому-то добрую услугу вместо того, чтобы истлевать... Помочь изменить этот мир к лучшему, помочь спасти чужие жизни... Разве не лучше использовать его с пользой?

Лучшая слышанная мною речь в защиту посмертного донорства, подумалось Еве саркастично.

– А вы, Эльен? – спросила она то, что интересовало её уже давно. – Почему вы решили остаться здесь не только телом, но и душой? Или вам не оставили выбора?

– Оставили. – Дворецкий, усмехнувшись, повернулся к ней, чтобы невесомой рукой слегка погладить по волосам. – А что бы вы с господином Уэртом сейчас без меня делали?

Эта ласка, и взгляд, и тон слишком напомнили ей папу, где-то за гранью другого мира наверняка оплакивающего уже второго потерянного ребёнка.

Не выдержав, Ева обняла призрака за талию, уткнувшись лбом в полупрозрачный бархат сюртука на его плече. Странное это было ощущение... Будто утыкаешься в пышные шифоновые оборки, под которыми скрыто холодное стекло. Но когда Эльен приобнял её в ответ, столь желанная поддержка была настоящей.

– Я не тороплюсь за грань, лиоретта. – Шелестящие прикосновения огладили её спину. – Уверен, там всех нас ждёт

нечто потрясающее и потрясающе интересное, однако пока я не представляю, как оставлю тех, кому поклялся служить. К тому же не думаю, что по ту сторону меня ждёт тёплая встреча.

– Это ещё почему?..

– Видите ли, исполняя свой долг вассала, я вершил не только благие дела. А Жнец не слишком жалуется тех, кто крадёт его урожай, срезая жатву раньше уготованного Им дня. – Почувствовав её замешательство, Эльен мягко выскользнул из её рук; отстранился, и Ева увидела его печальную улыбку. – Смерти не нужно жаждать, лиоретта, но и не нужно бояться. Смерть – не недостаток и не ошибка. Она завершает то, чему логично иметь завершение. А бессмертие – не всегда благо.

– Многие с вами не согласились бы, – пробормотала Ева, пытаясь совместить в сознании картинку уютного заботливого Эльена, к которому она привыкла, с гипотетическим Эльеном-убийцей. – Герберт, в частности.

– На них не стоит равняться. – Призрак отвернулся, сцепив руки за спиной, и подошёл к окну. – В те дни, когда я был ещё жив, мне довелось бывать в Риджии. Господин взял меня туда, когда дела свели его с тамошними магами. Помните, кто её населяет?

– Люди, эльфы, дроу, лепреконы, – машинально откликнулась Ева, как откликалась прежде на их уроках.

– Да. Много больше долгоживущих народов, чем во всех

других странах. – Эльен вздохнул. Ева порой удивлялась, как он может вздыхать, если в принципе не способен дышать, но, видимо, призраки сохраняли некую иллюзию привычной работы лёгких. – В Риджии мой господин встречался с эльфами, и я тоже. Были среди них прекрасные, поэтические создания, истинные Дети Солнца, как называют их там... Но были и те, кто мнил себя лучше людей на том лишь основании, что в отличие от смертных они живут вечно. Дроу, как вы помните, некогда даже развязали войну, стремясь уничтожить людей. Сочли простых смертных недостойными жить подле них – неумирающих, нестареющих. Это так... высокомерно. С каких пор долгота жизни стала столь важным фактором в столь сложном вопросе? – Вскинув ладонь, призрак рассеянно выплел пальцами в воздухе витиеватый вензель, явно призванный выразить брезгливость. – Смертные сотворили столько вечного, столько прекрасного, столько вещей выше и волшебнее себя, сколько иной из эльфов и дроу не создаст за всю свою бесконечно долгую жизнь. И сама Риджия... заостенелая. Отстающая. Лишь сейчас нагоняющая другие страны, ушедшие далеко вперёд. Ведь в трёх из четырёх её королевств вместо стариков, закосневших в устоях трёхвековой давности, к власти наконец пришли дети... И принесли с собой свежие мысли, идеи, взгляды. – Оглянувшись, он горестно опустил руку. – Посмотрите на меня. Я бессмертен, но кто я? Реликт, пережиток прошлого, тень уже ушедшей эпохи.

– Нашли тут пережиток! – фыркнула Ева в искреннем возмущении. – Для пережитка вы слишком хорошо танцуете.

– Чем, к слову, нам и следует наконец заняться вместо, безусловно, приятной беседы.

И они занимались, благо настроение у Евы самую капельку поднялось. Занимались до самого прихода Герберта, ворвавшегося в комнату без стука, точно надеясь застать их за чем-то непристойным.

Впрочем, по тому, как некромант вместо приветствия порывисто впился губами в её губы, Ева постановила, что он просто соскучился.

– Эльен, фейр, – бросил Герберт потом. Дождавшись, пока призрак безмолвно ускользнёт выполнять приказ, рывком увлёл Еву на кровать.

Станный он был эти дни... Все трое суток, минувших с известия о гибели Гертруды, некромант ходил то безучастнее, чем в первые дни их знакомства, то вдруг являлся с горящими глазами, и в движениях его прорывалась странная нервная лихорадочность. А ещё почти непрерывно работал над чем-то в своём кабинете. Ева даже практиковалась теперь одна – что в заклятиях в тренировочном зале, что в прогулках по воде, на которые она каждодневно вылезала на улицу.

Надо сказать, в саду без Герберта она чувствовала себя неудобно. Внутренний параноик и вовсе время от времени нашёптывал, что она ощущает на себе чей-то пристальный

взгляд. Хорошо хоть Мэт, пользуясь ситуацией, разбавлял обстановку – то предлагал ещё и воду в вино обратить, то рассуждал, что Мираклу ни к чему будет нормальное знание экономики, если его жёнушка откроет в себе талант кормления тысячи страждущих одним жалким багетом. Как-то и вовсе пропел противным тоненьким голоском *«Ви-идишь, там, на горе-е»*, вынудив Еву от изумления искупаться в ледяной воде.

Чего-чего, а знания песен «Наутилуса» она от него никак не ожидала².

– Как себя чувствуешь? – спросил Герберт, вжав её в покрывало.

– А я должна чувствовать себя как-то не так? – осторожно уточнила Ева.

– Нет. Но если хорошо, это значит, что всё работает. – В льдистых глазах блеснуло непонятное шальное веселье. – Я отрезал тебе доступ к моей энергии, прежде чем вошёл.

Ева оторопело замерла.

– Я изменил чары, пока ты спала сегодня. – Действительно, этой ночью она принимала очередную ванну... Но для Евы процедура ничем не отличалась от прочих. – Теперь, если лишишься подпитки от меня, ты начнёшь питаться от собственного резерва сидиса. Судя по всему, ты ничего не

² И зря: где знания о работе мобильных аккумуляторов, там и до российского рока недалеко. А подглядел ли демон когда-то концерт из Межгранья или просто покопался в Евиной голове, уже не суть важно.

ощутила?

– Нет, – прислушавшись к ощущениям, в некотором замешательстве подтвердила она. – Ничего.

– Как я и думал. – Некромант с задумчивым удовлетворением заправил ей за уши растрепавшиеся светлые пряди. – Переводить тебя на постоянное самообеспечение я пока не рискну. Так что завтра повторим привязку на алтаре. Но, судя по всему, на поддержку существования ты тратишь не больше, чем восстанавливаешь – в целом количество сидиса в ауре остаётся без изменений... Надо ещё проверить, как это совмещается с колдовством и регенерацией. Посмотрим что-нибудь?

Потянувшись за планшетом, ждавшим своего часа на прикроватном столике, Ева покосилась на Герберта почти насторожённо:

– А ты как себя чувствуешь?

– Я в порядке. – Он уставился, не шуря глаза, на белое сияние волшебных кристаллов, и откликнулся без запинки. Так, точно ожидал вопроса. – В полном. Просто много работы.

Его глаза, вдруг поняла Ева. Что-то с ними не так, но что?

– Какой работы? – Листая папки в поисках нужной, она судорожно пыталась понять, что именно царапнуло душу тревожным наждаком.

– Сначала дорабатывал чары, чтобы ты не погибла вместе

со мной, если что-то случится. Теперь бьюсь над формулой воскрешения.

– И как успехи?

Герберт ответил не сразу.

– В последний миг от меня всегда ускользает что-то важное. Что-то, что поможет расставить все элементы формулы по местам. Но я поймаю это. Нужно лишь зайти ещё чуточку дальше.

Нотки одержимой убеждённости, скользнувшие в последних словах, Еве совсем не понравились.

– Герберт, только не надо... надрываться ради меня, ладно? Я всё понимаю, но ты должен беречь себя. Пожалуйста.

Его улыбка заставила бы сердце сжаться, если б только оно могло.

– Я сделал много ошибок. Должен же я наконец и исправить что-то.

– Не сделал ты никаких ошибок! Ты не мог меня спасти, у тебя же клятва, и мы не могли знать, что Айрес в одиночку справится с Гертрудой, и...

Её заставили замолчать самым бесцеремонным и приятным из возможных способов.

– Не будем об этом, – с мягкой непреклонностью не то попросил, не то приказал Герберт потом. – Не сейчас. Я слишком устал. Что сегодня хочешь мне показать?

Глядя в его глаза, где в голубом льду чернели точки узких зрачков, Ева усилием воли заглушила внутренний го-

лос, снова вопивший, что происходит что-то катастрофически неправильное. Что ни в коем случае нельзя спускать всё на тормозах, и отступать, смирившись с его правилами, замаяв разговор, – тоже. Но его бледное, измождённое лицо, на котором лишь глаза горели почти лихорадочно, и правда выглядело таким уставшим...

...и не будет ли это свинством с её стороны – долбить его расспросами и нравоучениями вместо того, чтобы дать отдохнуть...

...и даже если в душе его снова появилась рана, не зарастёт ли она скорее, если не пытаться её ковырять...

...и вообще, об этом с ним поговорить ещё успеется, правильно?

– Одну историю о неправильном злом короле, неправильном герое, его неправильной возлюбленной... В общем, там все неправильные, но сама история удивительно правильная, – покорно произнесла Ева, по традиции устанавливая планшет в изножье кровати, чтобы нажать на «плэй» и включить «Галаванта». – Сам увидишь.

Как выяснилось позже, внутренний голос её обманывал редко.

Гром грянул ночью.

Ева привычно лежала без сна. Обычно она коротала ночи за чтением или занятиями музыкой, но теперь Дерозе тихо спал в футляре, а его хозяйка валялась на кровати, созерцая

потолок. С Гербертом они расстались на клятвенном обещании, что этой ночью некромант ни над чем работать не будет, а немедленно отправится спать. Правда, тот на все её настойчивые просьбы отмолчался, но молчание ведь знак согласия, верно? Не может же Герберт оставить все её мольбы без внимания. Если уж действительно её любит. В крайнем случае Ева может пойти и проверить, спит ли он, и устроить втык, если не спит...

Правда, знала бы она ещё, где находится его спальня.

Дверь неожиданно скрипнула. Ева села на постели и увидела, что к ней, каким-то образом дотянувшись до длинной дверной ручки, бесцеремонно проскользнул Мелок.

– Ты ко мне в гости? – сказала она, когда кот вспрыгнул на кровать. – Что, хозяин не гладит?

Тот вместо ответа боднулся ей в руку: на белоснежной морде стыло такое тоскливое выражение, будто Мелок только что чудом сбежал от стаи бешеных псов и искал срочного утешения.

Есть всё же нечто глубоко неправильное в том, что твоему молодому человеку известно местоположение твоей спальни, а тебе его – нет, размышляла Ева, одной ладонью наглаживая молчащего кота по спине, а другой почёсывая за ушком. *Как и в том, что вы встречаетесь и живёте вместе, но спите порознь.*

То, что ты зомби, а он – твой некромант, на Евин взгляд, смотрелось уже почти естественно.

– И с чего ты так прикипела к этому дурному мальчишке, а? – заметил Мэт, снова возникнув в изножье. – Ума не приложу.

– Свой ум прикладывай к чему угодно другому.

– Зато твой призрак сегодня приятно удивил. Может, лучше в него влюбишься? – Демон сделал вид, что поудобнее усаживается на резной спинке. – Вот уж дивный романтический герой. Ещё и поёт.

– Если ты радуешься, что обрёл родственную душу, вынуждена огорчить: даже если Эльен в самом деле убивал, не думаю, что он получал от этого хоть какое-то удовольствие.

– А, ты о том, что он порой помогал своему господину травить шпионов и убийц, имевших глупость заглянуть к ним на обед? Кстати, чаще в интересах короны, чем с целью самозащиты. Тот господин Рейоль, если ты не знала, заведовал тайной службой Его Величества... Хотя того, кто занимал подобный пост, прикончить желали многие, не отрицаю. – Мэт зевнул, наслаждаясь её замешательством. – Нет, я не об этом, что ты. Просто он на диво здраво рассуждал о смерти, в отличие от твоего обже³. Ему не хватает кое-каких фундаментальных знаний о науке, которая в вашем мире чуточку приподняла завесу вселенских тайн, но речь всё равно вышла симпатичная. Даже трогательная в этой его наивности давно ушедшей старины.

– Можно подумать, ты у нас молод.

³ *Objet de la flame* – предмет страсти или поклонения (*устар.*), (*фр.*).

– Я иду в ногу со временем, как ты могла заметить. Вернее, парю. В Межгранице, как ты поняла, туго с твёрдыми поверхностями. С направлениями, впрочем, тоже.

– Я понимаю Герберта, – не купившись на его обезоруживающе широкую улыбку, сказала Ева, решив оставить переосмысление образа Эльена на потом. – Его род занятий... располагает к подобным мыслям.

– Нет. Просто он глупый маленький мальчик, который лишь начинает учить самый важный для себя урок. – Вертикальные щели зрачков расширились, поглощая окружавшую их мерцающую синь, и вновь, как когда-то давно, в глазах демона Еве открылась пустая вселенская бесконечность. – Не меняется и не увядает лишь то, что не учится и не растёт. Не умирает лишь то, что по-настоящему не живёт. Не ощущает боли лишь то, чему нечего терять, нечего терять лишь тому, что не чувствует вовсе. – Соскользнув с изножья, Мэт подплыл ближе; ладонь Евы давно уже замерла на вздыбившейся шерсти кота, неотрывно следившего за незванным гостем. – Он зовёт себя избранником Смерти, но не постиг пока всей её красоты... Красоты её логики, красоты её схем.

– Схем?..

– Старые травы умирают и гниют, чтобы подпитать собой зелёные побеги. Старые клетки в твоём теле отживают своё и гибнут, чтобы уступить место новым. Если клетка отказывается умирать, она перерождается в опухоль. Эгоизм одной крохотной частички, решившей жить несмотря ни на что, гу-

бит весь организм. – Вкрадчивое многоголосье шёлком обволакивало слух, утягивая Еву в бездонную черноту, расстилавшуюся за его глазами. – Твой призрак прав. Смерть – не дефект рода людского, а орудие эволюции. Существование смерти влечёт за собой смену поколений, ваше обновление и перерождение. Старики не занимают место юных, оставляя вам простор для совершенствования. Непрерывное смешение генов, порождающих всё новые и новые сочетания, уход в небытие тех, кто несёт в себе устаревшую кровь и устаревший образ мыслей, – вот что толкает человечество вперёд. Вы даёте жизнь детям, которые будут лучше вас. Новым идеям, которые они смогут впитать. Новым изобретениям, которые облегчат им жизнь. Новому искусству, на котором они смогут взрасти. И уходите, потому что не способны на большее. Но они, которым дана возможность при рождении подняться на ту ступеньку, до которой вы с муками карабкались всю свою жизнь, начать свой путь сразу с неё – смогут. Разве это не прекрасно?

Мелок с шипением вырвался из-под державшей его руки, зрачки Мэта, вновь сузившись, обратились на кота – и Ева, лишь сейчас различив гипнотическую пелену, которая обволокла разум, раздражённо тряхнула головой.

– Скорее цинично, – заметила она ершисто, когда Мелок скрылся за приоткрытой дверью.

– Брось, златовласка. В глубине души ты сознаёшь, что я прав. Вы так часто воспринимаете смерть благом и нормой

в том, что не касается гибели тел, но так смехотворно привязаны ко всему материальному. Вы убиваете старые отношения, чтобы вступить в новые. Вы умираете раз за разом, пока живёте. Та, кем ты была десять лет назад, давно исчезла, чтобы уступить место нынешней тебе; ты умрёшь ещё пару лет спустя, чтобы на твоё место пришёл кто-то взрослее и мудрее, и встретиться ты в двадцать пять с собой в семнадцать, вы не узнаете друг друга. Смерть освобождает, переворачивает страницы, несёт новизну. Смерть – друг ваш, а не враг. Бояться её может только тот, чьё существование серо, пусто и похоже на плохую бумагу. Кальку, где ничего не нарисовано – лишь просвечивает сквозь нее чернота, ждущая в конце. Закрась её яркими цветами, прими, что всё конечно, цени возможности, которые дарит тебе уже тот факт, что ты появился на свет – и конца будет не разглядеть, и мысли о нём в голову начнут забредать редко, не причиняя дискомфорта. – Когда Мэт вскинул ладонь, Ева решила, что это жест назидания, но нет: достав невесть откуда пилку, он скупающе принялся полировать неестественно блестящие, точно стеклянные ногти. Не длинные, не острые, но этим странным блеском пугавшие не меньше ведьмовских когтей. – Не смерть презренна, а страх перед ней. Существовать вместо того, чтобы жить. Пытаться любой ценой избежать неизбежного. Цепляться за жизнь вместо того, чтобы умереть, исполнив предназначенное, и с готовностью уступить место другим. Можешь так малышу и передать.

Ева смотрела, как пилка ритмично скользит по глянцевитым белым полукружиям.

До недавнего времени она редко задумывалась о собственной смертности. Ей хватало других проблем. К тому же она не могла толком вообразить себе черноту небытия: даже во сне у неё всегда были... ну, сны. Но теперь Ева успела свести с этой чернотой довольно близкое знакомство – в день, когда прибыла в Керфи, и позже, сбежав из замка. И если представить, что это – навсегда, что она не мыслит, не существует, что Евы Нельской больше нет, и лишь её тело под землёй тихо превращается в скелет, как наверняка уже превратилось Лёшкино...

Острое осознание, что она давно уже висит на волоске от этой черты, пробрало ужасом до костей. Тем же ужасом, с которым Ева познакомилась, когда беспомощно смотрела, как к их машине приближается грузовик.

...нет. Нет. Демоны и призраки могут сколько угодно твердить, что смерть – благо, но для Евы это только страх, гниль и боль. Страх тебя, понимающего, что вскоре не будет ничего. Гниль того, что совсем недавно долгие годы являлось тобой.

Боль тех, кто пойдёт рядом с твоим гробом.

– Сам бы и передал, – едва слышно сказала она.

– О, меня он слушать не станет. Хотя он вообще мало кого слушает. Тебе ли не знать. – Театральный вздох Мэт перевёл в ленивое дуновение, смахнувшее с обточенных ногтей

белую пыль. – Твой бедный Эльен так уговаривал его не нюхать снова эту гадость, так уговаривал...

– Какую гадость?

В том, как Мэт прижал ладонь ко рту, читался ужас настолько фальшивый, что самый паршивый актёр сыграл бы лучше.

– Караул, – протянул демон без малейших признаков испуга. – Проговорился. Малыш с меня три шкуры спустит. Всё, умолкаю.

– Мэт, – на удивление спокойно повторила Ева, – какую гадость?

Тот лишь улыбнулся, прежде чем растаять в полу – тьме:

– Если правда хочешь знать, можешь спросить сама.

С минуту Ева просто сидела, не зная, чего ей хочется больше: разыскивать некроманта – или бежать на поиски Эльена. Наконец сознавая, что именно в глазах Герберта показалось ей неправильным: зрачки. Узкие, с булавоочную головку, не реагирующие на свет зрачки того, кто принял что-то, чего принимать не следует.

Неужели в её короткой семнадцатилетней жизни снова...

Всё же, определившись с приоритетами, Ева вскочила с кровати. Не без труда вспомнив, что бегать по всему замку в поисках призрака не обязательно, схватила с прикроватного столика колокольчик, который Герберт зачаровал для неё; огласив комнату отчаянным звоном, бросила кусок поющего железа обратно на стол, кусая губы.

Не волнуйся, сказал он ей когда-то – очень, очень давно, пока Ева рассказывала ему про погибшего брата, *в нашем мире тоже есть...*

– Эльен, – выдохнула девушка, когда вечность спустя удивлённый дворецкий, откликнувшись на магический зов, заглянул в её дверь, – Герберт принимает наркотики?

Застывшая поза и виноватое молчание ответили ей лучше любых слов.

– Я пытался его остановить, – удручённо произнёс призрак, так и не пройдя внутрь. – Он даже слушать отказывался. Единственный раз в жизни пригрозил меня отпустить. Упокоить.

– Зачем ему это?!

Возможно, во всех других случаях вопрос был бы глупым, – но Герберт казался ей последним человеком, которым могла двигать жажда забыться или погоня за эйфорией.

– Чтобы заглянуть туда, куда в здравом уме он заглянуть не способен. – Несчастный призрак стоял на пороге, сцепив перед собой опущенные руки, и глядел в сторону. – Звёздная пыль... расширяет сознание. Придаёт сил. Отбивает желание спать. Помогает ему работать. До того он принимал её лишь несколько раз – когда дорабатывал ту формулу, которая помогла поднять его кота. И вас. – Эльен снова взглянул на неё: в светлых глазах, как и в голосе, сквозило страстное желание оправдать кого-то. Вопрос, кого больше: Герберта или себя. – Он делает это не для удовольствия. И у него же-

лезная воля, лиоретта. Другие, приняв пыль пару раз, впали бы в зависимость на всю жизнь. Он же, добившись успеха в том, чего хотел, больше ни разу не притронулся к этой... к подобным веществам. До последних дней.

Ева неподвижно смотрела на дверь. Перед глазами стояло бледное, неестественно бледное лицо Герберта, на миг сменившееся лицом Лёшки. И Мелок прибежал будто в испуге...

...нужно лишь зайти ещё чуточку дальше...

– Лиоретта?

Ева безмолвно рванула к двери.

– Лиоретта...

– Где он?! – Это она прорычала прямо ему в лицо. – В спальне? В кабинете? Говори!

– В кабинете. – Эльен невольно попятился, освобождая проход. – Лиоретта, он не велел его тревожить, он...

Без лишних слов проскользнув в оставленную щель, Ева помчалась по замковому коридору к лестничному колодцу. Кристаллы на стенах стремительно вспыхивали по цепочке, всегда опережая её на шаг.

– Не хочу тебя тревожить, златовласка, – изрёк Мэт, пока она бежала вверх по лестнице, – но поскольку мы оба заинтересованы в том, чтобы малыш прожил подольше, тебе стоит поторопиться.

– Я не могу бежать быстрее, – огрызнулась Ева, перескакивая через две ступеньки и радуясь, что в текущем состоя-

нии можно не думать о дыхании. — Что с ним?

— Ну как, — рассеянно откликнулся демон, который летел рядом с ней, даже не думая двигать ногами, — он, конечно, мальчик умный, и мнит себя эдаким последователем Заратустры... ах, старина Фридрих, презабавный был малый... однако иногда и его ума на что-то не хватает. Даже если душой он сверхчеловек, то телом, увы, человек самый обычный. Когда он упирается в свой умственный потолок, то, как ты могла понять, прибегает к стимуляторам определённого рода. И вот принятая доза не помогает найти решение, и он её увеличивает, но это не помогает, и приходится увеличивать снова. И если в какой-то момент решение так и не найдётся, а новая доза случайно окажется больше той, что человек может относительно безболезненно вынести...

Ругнувшись — на сей раз отнюдь не музыкально, — Ева пустила к кабинету ещё скорее, чем до того, что прежде казалось ей невозможным. Благо лестница за речь Мэта успела закончиться: остался лишь забег по длинному коридору. Стрельчатые арки, пронесившиеся над головой, почти сливались в одну. Какого чёрта эти замки строят такими огромными? Только бы не опоздать, только бы не опоздать, только бы...

— Герберт! — рывком опустив ручку, Ева толкнула дверь и ввалилась внутрь.

Он сидел за тем же столом, за которым когда-то Ева лечила его изрезанные ладони. Откинулся на спинку, прикрыв

глаза. Руки на подлокотниках, брошенное перо валяется на раскрытой странице книги для записей, рядом – крохотная деревянная шкатулка, похожая на табакерку.

– Герберт?..

Ева подошла ближе. Хотела подбежать, но страх и злое-щая безмятежность представшей перед ней картины замед-ляли шаги.

– Герберт...

Табакерка скрывала под откинутой крышкой чёрный по-рошок, чуть отливавший серебром. Открытую страницу всю исчеркали торопливыми, неряшливыми, обрамлённы-ми кляксами записями. Формулу, начертанную последней, перечеркнули столько раз, что бумага прорвалась насквозь. Несколько вырванных, скомканных листов валялись на полу сбоку от стола – рядом с кучками пепла, оставшимися от тех, что не только вырвали, но и спалили, расцветив подпалина-ми тёмный дощатый пол.

Переступив через пепел и бумажные комья, оттягивая мо-мент истины, Ева наконец склонилась над его креслом.

Герберт казался спящим. Лишь кожа, бледная до какой-то снежной белизны, да синие губы указывали, что это не про-сто сон. И дыхание: редкое, неритмичное, едва заметное.

Её сердце не ёкнуло. Руки не похолодели. Лишь глубоко, очень глубоко внутри что-то завопило от ужаса.

– Нет, нет, *нет!* – Ева яростно потрянула его за плечи. Не дождавшись реакции, отчаянно, наотмашь хлестнула по

щеке, про себя прося прощения. – Не смей, слышишь?! Проснись!

Спустя ещё три пощёчины он всё же приоткрыл непонимающие, рассеянные, сонные глаза.

– Ева?

Слово прозвучало так неразборчиво, будто к языку его подвесили валун. Отсутствующий взгляд с трудом фокусировался на её лице.

– Я здесь, – она лихорадочно вглядывалась в тусклые, словно выцветшие глаза, – я здесь, будь со мной, слышишь? *Эльен!* – бешеный крик зазвенел под бесстрастно-белым потолком. – Герберт, позови Эльена, слышишь?!

Ева не знала, послушался он или нет. Знала лишь, что похорошему ей стоило подумать обо всех возможных последствиях прежде, чем бежать, и позвать призрака с собой. Но тогда ей было немного не до того.

Увидела, как он плавно, будто в замедленной съёмке, тянет руку к её лицу – и, так и не донеся, бессильно роняет обратно на кожаный подлокотник.

– Я... я не могу, – полуразборчиво, бессвязно прошептал Герберт, – не могу найти. Ты... страдаешь. Я страдаю. А если найду, ты уйдёшь. Уйдёшь.

– Что найти?

– Оживить. Тебя. Айрес... не знает...

Пауза, разделявшая слова, сорвалась в молчание. Блеклые ресницы сомкнулись, вновь отдавая своего владельца во

власть сна, в любую секунду готового обернуться вечным.

– Дыши! – Ева бесцеремонно отвесила ему новую пощёчину, выдернувшую некроманта из черноты близящегося забвения. – Дыши! Смотри на меня, на меня, понял? Не смей умирать! Тем, что умрёшь, ты меня не спасёшь!

Он смотрел. Покорный и тихий, как провинившийся ребёнок, бледный и хрупкий, как фигурка из льда или сахара, красивый и печальный, как ангелы с фресок Мелоццо да Форли. Неожиданно уязвимый, неожиданно беззащитный: настолько, что это казалось бы трогательным, не будь ситуация до безнадёги страшна.

Он, ещё месяц назад казавшийся ей напыщенным и самоуверенным, он, которого она – дура, не смотревшая на него так, как смотрит сейчас, – не так давно презрительно называла женоподобным...

– Тебе... очень плохо? – спросил Герберт хриплым шёпотом.

Значит, так всё случилось с Лёшкой? Только рядом не было никого, кто напоминал бы её брату дышать, кто вырвал бы его из удушающей хватки смертельного сна? Или был, но не удосужился помочь или просто не знал как – в отличие от Евы, зачем-то неоднократно постфактум искавшей инструкцию в интернете? Ох, что же делать... Заставлять дышать, вызвать «Скорую», не давать уснуть до приезда медиков – это твердили все инструкции по помощи при передозировке; но здесь-то звонить некому, и наркотик иномирный, с незна-

комым ей действием, и «Скорой» она никогда не дожждётся...

– Нет, – сказала Ева, в тысячный раз проклиная себя самыми страшными проклятиями. За истерику, которую позволила себе несколько дней назад. За все недозволительные, непростительные слова, которыми сама же толкнула его на этот путь. – Мне не плохо, Герберт. Совсем не так, как тебе сейчас. Послушай... Сначала убедимся, что Айрес не знает, как меня спасти, а потом уже будем думать об экстремальных мерах, ладно? Вместе мы что-нибудь придумаем. Обязательно.

– Возможно, я просто... недостаточно стараюсь. В глубине души стремлюсь к неудаче, – неожиданно чётко и связно пробормотал он. – Знаю, что может случиться, если ты будешь жива. Свободна. И боюсь. – Глаза под полуприкрытыми веками дрогнули, когда он отвёл взгляд. – Трус. Подлец. Слабак.

Она удивилась, с какой ненавистью – к себе – выплюнулись эти тихие, бессильные слова.

– Да ну, что за глупости. Зачем бы тебе это?

Он вновь посмотрел на неё. Цепляясь взглядом за её лицо, как вцепляется в верёвку падающий в пропасть.

Уголки синих губ дрогнули в призрачной, блеклой улыбке:

– Хорошо, что иногда ты такая глупая...

В следующий миг он перестал улыбаться. И смотреть на неё.

И, судя по воцарившейся в комнате тишине, дышать.

– Герберт! – Ева снова тряхнула его, но он так и остался безответным, безвольным, закрывшим глаза. – Нет, Герберт, не засыпай! Только не засыпай, ты же...

– Лиоретта!

Эльен неслышно скользнул в оставленную открытой дверь, почему-то метнувшись не к умирающему господину, а к камину на соседней стене.

– Эльен, слава богу! Помогите, он...

– Прячьтесь, – отрывисто велел призрак, надавив на один из прутьев каминной решётки. Ева непонимающе смотрела, как одна из дубовых панелей, обшивавших стены, открывается на манер двери, маня бесцветной тьмой таившегося за ней каменного коридора.

Ну конечно. Какой же уважающий себя замок без потайных ходов.

– Эльен, что...

– Королева в замке! Она идёт сюда!

Часть Евы – часть, и без того рыдающая в ужасе от происходящего, не желающая бросать возлюбленного при смерти, – замерла, как маленький грызун, заслышавший шипение голодной гадюки. Но другая часть – удивительно и омерзительно расчётливая, которой резко стало не до возлюбленных, – моментально сообразила, что к чему.

К счастью, телом управляла именно она.

В застывшем времени, размытом страхом за Герберта и

за себя, Ева схватила со стола книгу для записей, позволив перу свалиться на пол. Сгребла с пола комья испорченных листков.

Перепрыгнув через пепел, метнулась к потайному ходу.

– Зайдите поглубже. Сидите тихо, – шипящей скороговоркой приказал Эльен, когда она забежала под полукруглые каменные своды, тянувшиеся далеко вперёд. Повторно нажал на рычаг, хитро замаскированный под банальную часть камина. – Я найду вас, когда всё закончится.

Дубовая панель бесшумно вернулась на место, оставляя Еву в абсолютной темноте, в которой тем ярче выделялось крошечное световое пятно. Расположенное примерно там, где с внешней стороны панели украшали рельефно вырезанные цветы.

Смотровой глазок.

Ева понимала, насколько разумнее было бы последовать совету Эльена и уползти подальше от места, к которому стремительно приближался её страшнейший враг; однако та часть её, что продолжала неслышно рыдать в страхе за умирающего возлюбленного, запоздало перехватила контроль.

С чего она вообще решила, что королева пришла помочь? А если нет? Если она что-то прознала о планах племянника и вместо помощи лишь расхохочется над его агонией?..

Стиснув зубы так, что они грозились раскрошиться, комкая в руках бумажные листки, Ева опустилась на колени с утащенной книгой под мышкой. Прильнула к глазку, глядя,

как Эльен, успевший склониться над Гербертом, в непри-
творной панике хлопает его по щекам.

Если придётся драться, остаётся надеяться, что столкно-
вление с королевой закончится не так плачевно, как в про-
шлый раз. Правда, дожётся ли Герберт конца этого столк-
новения...

Спустя миг Ева услышала, как кто-то, появившийся на по-
роге за пределами её видимости, мелодично выдохнул:

– Боги...

Айрес тирин Тибель возникла в поле зрения секундами
позже, и во второй раз Ева увидела свою убийцу.

Королева прошла мимо в грациозной сосредоточенной
спешке. На ней было простое чёрное платье, на котором вме-
сто бисера искрились капли тающих снежинок, волосы пре-
бывали в беспорядке, не забранные королевским венцом: по-
хоже, она сорвалась с места, не тратя время даже на то, что-
бы набросить плащ. Перед столом на миг притормозила –
кажется, глядя на пепел у своих ног. Конечно, нужно же оце-
нить обстановку и сделать выводы прежде, чем получишь
официальное объяснение произошедшего...

Можно понять, почему эта женщина была хорошей прави-
тельницай. Вернее, была бы, не перегибай она палку в неко-
торых немаловажных пунктах.

– Ваше Величество! – отступив от кресла, Эльен склонил-
ся в торопливом поклоне. Он не стал изображать удивление:
чары замка всегда оповещали дворецкого о прибывших го-

стях. – Господин Уэрт...

– Замолчи.

Спаси его, пронзая ногтями бумагу в сжатых кулаках, думала Ева, когда королева склонилась над племянником, за-слонив его собой. Что именно Айрес делает, Ева не знала. видела лишь движения руками и отблески серебристого сияния – в магических учебниках так описывали действие магии исцеления. *Спаси, и я даже прощу тебе свою отнятую жизнь...*

Свою, но не Гертруды.

Когда в тишине послышался громкий, жадный вдох уто-пающего, от облегчения девушка едва не выпустила из рук черновики формулы, чуть не стоившей Герберту жизни.

– Тише, дорогой. – Женщина, убившая её, погладила её возлюбленного по волосам так ласково, как с Евой никогда не обращалась родная мать. – Я с тобой.

– Тётя?.. – Ужас, с которым Герберт должен был выдох-нуть это, отлично маскировался под изумление. – Как ты... тут...

– Тебе грозила смерть, Уэрти. Я всегда узнаю, если Жнец подступит к тебе слишком близко. – Королева повернулась к Эльену: мимолётную нежность в глазах сменил лёд, что Ева в своё время регулярно наблюдала на лице её племянника. – Так ты справляешься со своими обязанностями, слуга? Так присматриваешь за моим наследником?

– Простите, Ваше Величество.

– Я сам, – хрипло послышалось со стороны кресла, – не велел беспокоить...

– Тише, Уэрти, тише. – Стоило Айрес отвернуться, в голос её моментально вернулись воркующие нотки. – Ты опять принимал эту дрянь? Зачем теперь?

Ева не видела лица Герберта, но по движениям золотистой макушки угадала: тот смотрит на опустевший стол. Затем на пол, где не осталось ничего, способного выдать, чем он занимался на самом деле.

Умница, Ева. Хоть что-то ты сделала правильно.

– Она... сказала, что не любит меня. Я хотел написать ей... письмо... получалось ужасно, я сжёг все черновики, и...

– Хорошо, что я не знаю, кто она, – сдержанно откликнулась Айрес. – Не хотелось бы огорчать тебя известием о её скорых похоронах. – Обвив руку племянника вокруг своей шеи, королева помогла ему встать. – Пойдём, глупыш. Поставим тебя на ноги.

– Ваше Величество, если вам что-нибудь понадобится, я...

– Воду, настой рейнсунa, вытяжку дютрина и порошок ту-рефни, – бросила королева Эльену, бережно ведя спотыкающегося Герберта к выходу. – Призвала бы свои из замка, чтобы ты и дальше мог бездействовать, но не уверена, что они преодолеют защитные чары невредимыми.

Дворецкий вперёд них метнулся в коридор, оба предста-

вителя королевской семьи побрели следом, и комната опустела.

Ева ещё долго сидела, не смея шелохнуться. Наконец, надеясь, что королева не караулит за порогом, а дубовая панель приглушит шорох движений, тихо-тихо поднялась с колен. Перекинув бумажный ком в одну руку, пальцами нащупывая в непроглядной тьме сухую каменную стену из грубых булыжников, двинулась по тайному ходу. Ступать приходилось с осторожностью, надеясь, что туннель в какой-то момент не переходит в лестницу, о первую же ступеньку которой она расквасит себе нос.

Невольно заслонила глаза рукой, когда впереди вспыхнул свет.

– Трогательные семейные отношения, правда? – Мэт поднял повыше старинный медный фонарь, услужливо подсветив серые стены и ровный пол, сложенный из гладко обтёсанных каменных плит. – Я подумал, что свет тебе не мешает.

– Он ненастоящий, – глядя на фонарь, слабым голосом проговорила Ева. – Он не может ничего освещать.

– Зато я могу сотворить в твоей голове иллюзию освещения, м? – Демон приглашающе качнул фонарём. За круглым стеклянным окошком переливался и клубился ровный белый свет, дрожа жемчужными отблесками на стенах – чертовски убедительными. – Не бойся, златовласка, никакого подвоха. Твоя сломанная шея не в моих интересах.

Поколебавшись, Ева всё же двинулась дальше, стараясь не

задумываться над тем, насколько достоверна иллюзия освещённого коридора, творимая демоном, и как она коррелирует с коридором настоящим.

– Светильник смутно знакомый, – отойдя достаточно далеко от входа, с сомнением проговорила она. На всякий случай всё равно вполголоса.

– Он работает на душах заблудших детей, – доверительно сообщил Мэт, вынудив Еву на миг остановиться.

– Только не говори, что ты ещё и «По ту сторону изгороди» видел.

– Нет. Зато ты видела.

Прежде чем продолжить путь, Ева хмыкнула, оценив иронию реквизита⁴.

– Ты же заглянул в голову королевы, верно? – спросила она, по ассоциативному ряду вернувшись к тому, что осталось по другую сторону дубовой панели.

– А как же, – Мэт неторопливо парил спиной вперёд, освещая путь.

– Как она узнала?..

– На малыше висит её маячок.

– Но чары ведь разрушают всё...

– Айрес как-никак самая могущественная колдунья страны. К тому же этот маячок активируется, только когда владелец при смерти. До того – считай, его не существует. Охран-

⁴ Действительно: фонарь из сказки про мальчиков, потерявшихся где-то между жизнью и смертью, был ей к лицу.

ные чары его попросту не замечают.

Ева смотрела, как мерцает звёздными искрами иссиня-фиолетовый бархат его сюртука.

– Почему тогда она не переместилась напрямиком в кабинет?

– Всё те же охранные чары, златовласка. Будь это возможно, этим давно воспользовался бы любой маг-убийца. Думаю, колдунья такой силы пробила бы ограничение, но перемещение всё равно вышло бы нестабильным. Слышала, что она говорила про зелья? Тот случай, когда проще своими ножками. – Мэт рассеянно улыбнулся. – В домашних туфельках бежать по снегу от самых ворот, конечно, то ещё удовольствие, но чего не сделаешь ради любимого племянника.

– И она ничего не заподозрила? Не найдёт нас – меня, Дерозе, яйцо?

– Даже вздумай она обшаривать весь замок с инспекцией – тайные ходы, твоя спальня и ваша уютная сокровищница заперты магией. Они открываются только малышу и тем, кто ему подконтролен.

Вот так живёшь и не знаешь, что даже в свою спальню каждый раз проходишь сквозь магическую защиту, подумала Ева отстранённо, следя за приближением лестницы, что показалась впереди. Вернее, не совсем живёшь.

– А если она прикажет Герберту их открыть?

– Она не злоупотребляет клятвой, ты же помнишь. Не в её

интересах настраивать малыша против себя... окончательно, по крайней мере.

Подойдя к лестнице, Ева посмотрела на спираль ступенек и узкого колодца, убегаящую вниз. Не решившись проверить, насколько реальный тайный ход соответствует картинке, которую Мэт проецирует в её сознание, села подле первой ступени и прислонилась спиной к стене.

– Скажи, она тоже считала, что Гертруда – чудище из пророчества? – спросила она, когда демон без всякого удивления завис посреди густого мрака лестничного пролёта. – Поэтому и убила её?

– Всё-то тебе расскажи. – Мэт скорчил до жути умильную рожицу. – Даже если предположить, что за беглый визит в её голову я узнал так много – раскрой я вам помыслы врага, это испортит всё веселье.

– И просить тебя подсмотреть что-либо в её мыслях, конечно же, бесполезно.

– Конечно. Это жульничество, а я ратую за честную игру. Что это за история, где героям заведомо известны коварные планы злодея?

Ева отложила на пол книгу, бросив сверху бумажный ком.

– А ведь тебе вроде как положено быть на нашей стороне.

– У меня всегда одна сторона. Своя собственная. – Аквариновое мерцание его глаз разгорелось ярче. – И тебе бы сейчас не о Гертруде беспокоиться.

Ева в ответ молча обняла руками колени.

Она знала, что должна волноваться за Герберта. Что общество королевы для него небезопасно, даже если та явилась, чтобы помочь. Но в опустевшей, выгоревшей, выжженной переживаниями душе не осталось места для волнения.

Только для бездумной энергосберегающей пустоты.

– Жаль мне тебя, златовласка. – Как-то незаметно оказавшись рядом, Мэт отставил фонарь на пол. – Тяжело тебе приходится. Ты не заслужила всего, что на тебя свалилось.

– Придержи свою жалость при себе, – вяло посоветовала Ева, глядя на белый круг несуществующего света.

– Не выносишь, когда тебя жалеют?

– Терплю, когда мне сострадают. Сострадание может помочь. Жалость унижает.

– Считаешь, я не способен на сострадание? – Мэт сел рядом, почти скопировав её позу; в голосе его прорезалась неожиданная задумчивость. – Да... может быть. Может, я и не способен на человеческие чувства. Однако подобие их всё равно испытываю. – Ева не смотрела на него, но краем глаза заметила, как демон повернул голову, всматриваясь в её лицо. – Знаю, ты мне не веришь. Но я правда хотел бы тебе помочь.

Она лишь фыркнула устало.

– Ты помогла малышу и могла бы помочь ещё многим: словами, делами, музыкой. Указывать путь тем, кто заблудился. Светить тем, кому холодно и темно. Но мир безжалостен, и он всегда норовит утопить свет во мраке. Так уж в

нём заведено: день сменяет ночь, солнце для вас раз за разом тонет в черноте. А ведь и сейчас, за гранью жизни, ты любишь её – эту странную, жестокую, непостижимую штуку. Достояна прожить её, как немногие достойны. – Тонкие бледные пальцы коснулись её плеча – тёплые, настоящие, до странного ободряющие. И не поверишь, что тоже иллюзия. – Разве ты не хотела бы прекратить всё это? Твои страдания, его страдания? Не хотела бы снова *действительно* жить?

Что-то в звучании его голоса заставило Еву посмотреть на него. Почти невольно.

Глаза напротив мерцали голубыми кристаллами – затягивая в колдовскую глубину, растворяя сомнения в блеклом призрачном свете, завораживая безмятежным беспмятством.

– Он готов пойти на смерть, лишь бы спасти тебя. Но разве это справедливо – чтобы вы платили такую страшную цену за то, что твоё по праву? За то, что отняли у тебя обманом? – мягкий, без капли настойчивости или вкрадчивости голос почти пел, чисто и мелодично, как струна скрипки или хрустальный бокал. – Твоя судьба должна была сложиться совсем иначе. Тебя лишили права жить так, как было тебе предначертано. Так должен ли платить за это тот, кто любит тебя и кого любишь ты? Должна ли ты платить за это своим отчаянием? Ты должна быть с ним, обнимать его без того, чтобы твои руки несли ему холод, принадлежать ему – по-настоящему. Чувствовать вкус пищи и волнение в крови. Чув-

ствовать, как колотится и замирает сердце в минуты блаженства. Дышать полной грудью, смеяться и плакать без оглядки, жить долго, полно, счастливо... Разве ты не достойна этого? – узкая, бледная, сухая рука деликатно и сочувствующе накрыла её ладонь. – Разве вы с ним не достойны счастья?

Что-то внутри неё кричало, требуя заткнуть его, вскочить, бежать. Очень слабым, очень далёким голосом, подавленным фосфоресцирующим сиянием, усталостью и картинками, так ясно стоящими в памяти.

Бледное лицо умирающего Герберта, табакерка на столе, вырванные листы на полу...

– Ты правда можешь меня оживить?

Собственный голос – слабый, робкий, неуверенный – она услышала словно со стороны.

– Легко. И не попрошу многого. – Мэт, улыбаясь, сжал её пальцы. – Для меня моя свобода значит всё. Для тебя – потребует сущего пустяка.

В этом же нет ничего страшного, думала Ева, глядя на его улыбку, такую приятную в своей мальчишеской невинности. Всего лишь сказать «да». Выслушать, что он предложит. Отказаться, если цена покажется неуместной.

А если уместной, просто продумать договор получше. Обратить внимание на пункты, которые обычно пишут мелким шрифтом...

...а потом голос разума, тщетно пытавшийся докричаться до неё всё это время, наконец докричался.

Вспомнив, кто сидит рядом, осознав, о чём она думает, Ева моргнула. Отпрянула, выдернув пальцы из-под его руки, стряхнула наваждение отрезвляющим ужасом.

– Ну да. Конечно, – глядя в больше не манящую потустороннюю синь, сказала Ева. – Ясно, зачем ты ко мне явился ябедничать. Может, ещё и лично Герберта к этому подтолкнул?

Почти все истории о сделках с демонами, которые она знала, заканчивались одинаково. Что бы тебе ни предлагали, каким бы умным ты себя ни считал, как бы хитро ни пытался обмануть – в итоге всегда выигрывает другая сторона.

Сказки, кончавшиеся иначе, в конце концов оставались просто сказками.

– Не понимаю, о чём ты.

Он снова ничуть не огорчился. Даже улыбаться не перестал.

– О том, что Герберт и слушать про сделку не станет, и ты прекрасно об этом знаешь. Зато его нынешнее состояние подозрительно удачно позволяет тебе манипулировать мной. – Резким жестом вскинув руки, Ева скрестила их на груди. – Не надейся, Мэт. Я никогда не заключу с тобой сделку. Никогда.

Демон рассмеялся; в смехе, и не думающем раскатиться эхом под гулкими каменными сводами, скользнули привычные безумные нотки.

– Смешные вы, люди. Так часто бросаетесь словом, зна-

чения которого не способны понять. Смертным не представить безграничности и вечности того, что за ним стоит... *никогда*. – С нетающей улыбкой на бледных губах демон поднялся на ноги, а затем и над полом. – Как знаешь.

На сей раз он исчез мгновенно, будто в фильме сменился кадр. Следом, ещё пару секунд подразнив Еву иллюзией света, исчез фонарь.

Оставляя её подле ведущей вниз лестницы в холодной удушающей темноте.

Глава 2

Affettuoso⁵

⁵ Очень нежно, мягко, томно, страстно, порывисто (муз.).

– Вот так, – сказала Айрес, когда колдовство по капле переместило уже третий целебный раствор в кровь её племянника, чтобы тот живительной силой растёкся по венам. Встав с края постели (несуразно большой, занимавшей едва ли не треть просторной спальни), поправила одеяло, под которым лежал Герберт. – Знаю, сейчас ты чувствуешь себя почти хорошо, но не вздумай этим воспользоваться и пойти заниматься чем-либо.

– Прости, – тихо произнёс наследник престола. – Моя смерть сильно бы тебя подвела.

– Глупыш. Твоя смерть не подвела бы меня, а убила. – Айрес ласково потрепала его по светлой макушке. – У меня есть только ты, Уэрти. Твои родители, твой брат, твой дядя – все отступились, отвернулись. Или готовы к этому в любой момент. Остался ты... и наша страна. – Под пристальным взглядом Герберта королева заправила ему за уши взъерошенные волосы. – Значит, твоя зазнаба тебя отвергла? Поверить не могу.

– У неё возникли... другие интересы, – после секундного колебания откликнулся тот.

– Романтические, надо полагать?

– Я же не Мирк, чтобы быть вне конкуренции.

– Ты лучше. – С улыбкой, играющей на губах отблеском тепла, Айрес склонила голову набок. – Кто она?

В комнату, где пахло горящими поленьями и немного – сыростью, она принесла горьковатый аромат мирры, сладкий

лилейный дурман, металлическую прохладу снега. Можно было подумать, что последний примешался после прогулки по улице, но Герберт ловил эти холодные нотки даже самым жарким летом.

Он не вспомнил бы, когда различил их впервые. Зато мог припомнить сотни раз, когда маленьким он кидался к Айрес, раскинувшей руки для приветственных объятий, и зарывался лицом в тёмную вуаль её волос: от неё всегда веяло духами и зимним спокойствием.

– Можешь не беспокоиться. С этим покончено. Ты же знаешь, я не умею прощать.

– Я должна знать. Хотя бы постфактум.

– Не хочу, чтобы ты... смотрела на неё косо. Ты ведь сама говорила...

– И всё-таки.

Непроницаемыми, остекленевшими глазами Герберт уставился на пламя, лизавшее дрова в камине за тонким станом, облитым чёрным бархатом длинного платья.

– Я отдам тебе её письма. На следующем уроке. Они всё расскажут за меня.

Айрес, удовлетворённая компромиссом, кивнула:

– В конечном счёте, это к лучшему, Уэрт. Больше никто не сможет отвлечь тебя от того, что действительно важно.

Герберт вновь взглянул на неё.

Никто не назвал бы этот взгляд оценивающим. Даже та, кого он оценивал и за чьим лицом так внимательно следил.

– Иногда я сомневаюсь, – медленно произнёс он, – стоит ли мне делать то, что действительно важно.

Никто не смог бы сказать, что замешательством королева пыталась скрыть досаду. Даже если к ответу и правда – четвертью тона, едва заметным диссонансом, терявшимся за полнозвучными аккордами деликатности, удивления, понимания – примешался оттенок расчётливости.

– Я не могу и не хочу тебя заставлять. Ты же знаешь. – Айрес вновь села, и складки её юбки темнотой стекли с белоснежных простыней. – Это должен быть твой выбор. Я не имею ни малейшего желания принуждать тебя к тому, что так для тебя опасно. – Тонкая ладонь с ухоженными перламутровыми ногтями накрыла пальцы некроманта, подрагивавшие на одеяле. – Могу сказать одно: если ты сделаешь это, если тебе удастся... а у меня нет ни малейших сомнений, что удастся... ты докажешь всем, как они заблуждались. Всем, кто сомневался во мне. Всем, кто осуждал, недооценивал и предавал тебя. Всем, кто отзывался недобрым словом о нашей семье. – Другая ладонь коснулась его щеки, всё ещё мертвенно-бледной. – Ты не одобряешь иные из моих методов, я знаю. Но в день, когда ты призовёшь Жнеца, в них не останется нужды. Никто не посмеет ни роптать, ни восстать против Его избранников. Мы одержим полную и безоговорочную победу во всех сражениях, что ведём сейчас, и во всех, что нам предстоит вести.

– Но, если я этого не сделаю, ты погибнешь.

Айрес долго молчала, изучая взглядом его лицо, чуть сжав губы, что больше не улыбались.

– Не думай об этом. Желание помочь мне – последнее, что должно тобою двигать. – Погладив племянника по скуле, королева встала. – Спать. Немедленно.

Герберт покорно принялся расстёгивать рубашку, всем видом выражая абсолютное смирение и желание тут же отправиться ко сну.

Опустил руки сразу же, как Айрес вышла: напоследок она движением пальцев затушила все светильники и пригасила сияние того единственного, что остался гореть.

Герберт долго лежал, вслушиваясь в тишину, и позволил себе зажмуриться, лишь когда чары оповестили его: за гранью видимого открылась и закрылась дверь в замковых воротах, а женщина, заменившая ему мать, исчезла в ночной дымке.

– Эльен, ко мне. Сейчас же.

* * *

Эльен пришёл, когда Ева уже потеряла счёт времени, неся *настоящий* свет – в виде фонаря, который однажды, очень давно, освещал им с Мираклом дорогу в саду.

– Королева изволила удалиться. Господин велел привести вас к нему. – В слабой улыбке призрака сквозила вина; белые отблески кристалла, оплетённого стеклянной оправой, сме-

шались с голубыми – чтобы не сидеть во тьме, Ева призвала волшебный смычок. – Думаю, таково и ваше желание?

Выпустив оружие из пальцев, Ева захлопнула книгу, лежавшую на коленях. Надеясь убить время, она пробовала читать записи Герберта, но те состояли сплошь из магических формул без каких-либо разъяснений, так что по большей части остались для неё китайской грамотой.

– Веди, – прижав книгу к груди, тихо попросила она.

После спуска по лестнице они оказались в другом коридоре, разветвлявшемся в две стороны, но Эльен уверенно провёл её к выходу. На сей раз потайная дверь маскировалась под спинку платяного шкафа, выводя прямиком в комнату, где Ева до сей поры не была.

В спальню Герберта.

Пробравшись сквозь услужливо раздвинутые Эльеном вешалки (с них свисали жилеты и куртки, щекочущиеся мягким бархатом), Ева ступила на пол, смягчивший шаг тёмным ковром. Герберт молча следил за этим с кровати: он сидел в полурасстёгнутой рубашке, откинувшись на поднятые подушки и сложив руки поверх одеяла, натянутого по пояс.

– Спасибо, Эльен, – сказал он почти безразлично. – Оставь нас.

Прежде чем приблизиться, Ева огляделась. Сине-голубые тона. Огромная кровать с простым прямоугольным изголовьем; помимо неё и шкафа в комнате были только камин да прикроватная тумбочка. Идеальный порядок, отсутствие

каких-либо изысков, безликость без малейших намёков на личность владельца – таким мог бы быть гостиничный номер.

Кажется, спальню для сына отделал или выбрал покойный господин Рейоль. А после его смерти Герберт просто не решился что-либо здесь менять.

– Твои записи. – Когда за Эльеном захлопнулась дверь, Ева бережно положила книгу в кожаной обложке на тумбочку. – Я забрала их. В потайном коридоре ещё остались вырванные листы, но не думаю, что они представляют ценность.

Герберт молчал. В комнате властвовала полутьма, лишь каминное пламя и настенный светильник с притушенным светом разгоняли мрак.

В этой темноте белое лицо некроманта казалось куда более призрачным, чем у его дворецкого.

– Прекрасный романтический момент, не находишь? – присев на край кровати, продолжила Ева. – Ты, я, полутьма, твоя растёгнутая рубашка и твой недавний передоз.

Тусклые глаза внимательно следили за каждым её движением. Слух, должно быть, за каждым словом – её, шутившей, чтобы не начать кричать.

– Я говорил, Айрес может знать, как тебя оживить. Я лгал. Это прозвучало негромко и без покаяния. Пусть даже Ева знала, что покаянием это и являлось.

И, как ни странно, не вызвало у неё ни удивления, ни го-

речи, ни злости.

– Не думаю, что ей это известно. Не думаю, что кому-либо в этом мире это известно. – Отблески пламени сепией золотились на его щеках. – Я просто хотел... придать тебе стимул.

Наконец определившись с тем, что вернее всего выразит её реакцию, Ева пожала плечами:

– Наверное, в глубине души я всегда это знала.

В тусклости его глаз мелькнуло нечто живое. И очень, очень удивлённое.

– И всё равно помогала мне?

– Если кто-то и способен меня воскресить, это не Айрес. Это ты. А такая, как она, в любом случае не должна сидеть на троне. И жить бы, может, не должна, но это не мне решать. – По домашней привычке скинув туфли, чтобы забраться на кровать с ногами, Ева села на пятки рядом с ним, поверх одеяла. – Не делай так больше. Пожалуйста.

– Я не жалею, – сухо откликнулся Герберт. – Ни о чём.

– Мы найдём способ оживить меня без такого риска.

– Сейчас я не уверен, что этот способ вообще существует.

К сухости голоса всплеском эмоций примешалась горечь.

– Ты говорил, что всё равно не можешь меня оживить, – стараясь ощутить то же спокойствие, что прозвучало в её голосе, напомнила Ева. – Так почему сейчас расстраиваешься?

– Я вряд ли смогу провести ритуал, но вывести для него формулу – вполне. И если не справился я, вряд ли справится

кто-то другой.

Это прозвучало без гордыни, без хвастовства: простой безнадёжной констатацией факта.

– Ты работал над формулой всего ничего. К тому же тебя отвлекает вся эта возня с пророчеством.

– Я умею разграничивать работу и всё остальное. Ни эмоции, ни жизненные неурядицы не могут мне помешать. Если я не нашёл решение, вложив столько усилий...

Когда он осёкся, Ева настороженно и пытливо наклонилась вперёд:

– Что?

В его лице поочерёдно сменились сомнение, задумчивость и непроницаемая, пугающая мягкость.

– Нет, – выбираясь из-под одеяла, едва слышно ответил Герберт. – Ничего.

Он лежал одетый, только босой. Встав на колени рядом, близко, словно в танце, бережно взял её лицо в ладони, всматриваясь в него так, будто никогда раньше не видел.

– Что? – повторила она.

Не ответив, он склонил голову. Закрыв глаза, прижался лбом к её лбу.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

Вопрос, который в другой момент заставил бы её улыбнуться, сейчас вынудил сглотнуть ком в горле: столько в нём звучало отчаянной, безнадёжной, прощальной нежности.

– Что ты делаешь? – зачем-то прошептала она, глядя на

пушистый ореол его размытых близостью ресниц.

– В верхнем ящике кристалл для связи с Мирком. Визит Айрес пересидишь в тайном ходе. – Тихие, невпопад звучащие слова отозвались тревогой в небьющемся сердце. – Когда всё успокоится, попросишь Мирка забрать вас к себе. Тебя, яйцо... Он сможет вас защитить.

– А почему ты не сможешь? – её пальцы перехватили его запястья, не отстраняя их – просто держась. – Герберт, в чём дело?

Он не ответил. Лишь до слуха донёсся глубокий, судорожный выдох, смешанный с шелестом неразборчивых слов – будто вырвавшиеся отзвуки беззвучной, про себя читаемой молитвы.

Молитва...

...«смерть и любовь моя перед моим лицом», – воспоминанием пропело в ушах.

Мигом отпустив державшие её руки, Ева зажала его губы ладонью прежде, чем они успели коснуться её собственных.

– Ты что... правда... Обмен?

Она сумела вымолвить только это. Но то, с какой досадливой обречённостью Герберт отстранился, подтвердило, что он понял вопрос.

И ясно указало, каким был бы ответ.

– Ты что, *правда* хотел совершить Обмен? Обменивать мою жизнь на свою?! – Ева пихнула его в грудь так яростно, что некромант, пошатнувшись, невольно опустился с колен на

пятки. – Совсем спятил, идиот?! Думаешь, мне нужна жизнь такой ценой?

– Моя жизнь, если подумать, не так уж дорого стоит.

Услышав отстранённые, без тени эмоций брошенные слова, она толкнула вновь – в плечо, злясь едва ли не больше, чем в день, когда Герберт её ударил. Вдохнула, пытаясь взять себя в руки.

Запоздало вспомнила, что в текущем состоянии дыхательная гимнастика ей вряд ли поможет.

И что ему сказать? Напомнить, что он значит для неё? Что от него слишком многие зависят? Что он ещё не отыграл свою роль – хотя бы в грядущем восстании? Это он и так прекрасно знает.

Это его не остановило.

– Если не ценишь свою жизнь, цени то, чего вместе с ней лишаешься, – сказала она вместо этого.

– И что это?

– Всё, что ждёт тебя там.

Герберт перевёл взгляд в направлении, указанном её сердитым кивком, – на окно, где за незадвинутыми шторами молчала бесснежная ночь.

– Черноту? – уточнил он вежливо.

– Красоту. Море грёбаной красоты. Слишком прекрасной, чтобы вот так легко от неё отказываться.

– Закаты, звёзды, луна? Рассветы, цветы и горы? – сарказм его улыбки резал лезвием по живому, словно пытаясь шра-

мом оставить в её сознании слово «бесполезно». – Неравное соотношение красоты и всего остального.

А я должна его убедить, глядя в прозрачный холод его глаз, подумала Ева отчаянно. Должнадолжнадолжна. Чтобы больше не делал глупостей. Чтобы можно было не бояться за то, что он сам причинит себе больший вред, чем все наши враги.

Как можно быть одновременно настолько умным и настолько глупым?..

– Нет. Не только. – Она помолчала, вспоминая аргументы, припрятанные на кромке сознания. Найденные когда-то для себя – бессонными ночами, в которые она задавалась вопросами, слишком безнадежными и взрослыми для девочки-подростка. – Ты даже не узнал бы, что есть все остальное, не будь в мире красоты. Красоты отношений. Красоты поступков. Красоты слов.

– И был бы куда счастливее. Не с чем было бы сравнивать.

– Идиот, – повторила Ева, как никогда понимая Динку с её извечным «дурилка». – По мне, так это единственное доказательство того, что, если кто-то нас создал, он нас всё-таки любит. Иначе стал бы он дарить нам всё это?

Будь здесь Динка, она бы наверняка сумела вправить ему мозги на место. Так же, как вправляла Еве. Так же, как наверняка вправила бы Лёшке, будь у неё больше времени. Но старшей сестры здесь нет – только она, Ева.

И пусть из них с Гербертом больше лет не ей, сейчас она

– за старшую.

– Какой смысл жить там, где красота беззащитна перед злом, торжествующим день за днём? Где добряков чужие беды терзают не меньше собственных, а негодяи и мздоимцы, перешагивая через них, пируют на костях? Где благие побуждения оканчиваются ничем, где большая часть твоих начинаний терпит неудачу, где даже твои успехи ничтожны в сравнении с масштабом истории? – Он сидел напротив неё, сложив руки на коленях, словно на японской чайной церемонии, с которой никак не вязалась его злая улыбка. – Ты у нас так невозможно любишь жизнь. Не я. Но этот мир настолько беспощаден, что из нас двоих убил именно тебя. Не логично ли восстановить справедливость? Поменять нас местами?

– Логично найти другой способ...

– Нет другого способа. Нет. И оттягивать неизбежное я не хочу. – Жёсткость, проступившая в его взгляде и чертах, дёрнула в душе струну отчаяния. – Восстание прекрасно пройдёт без моего участия. Айрес сделала ставку на меня – и без меня потерпит крах, и войны не будет, и вам с Мирком даже пророчество не понадобится. В конце концов, он изначально планировал повернуть всё без моего участия, и я слишком хорошо знаю своего брата, чтобы в нём сомневаться.

Возможно, ещё пару недель назад в ответ на это Ева снова бросила бы презрительное «трус». Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы ясно понять: сейчас он уговаривает не её – себя. Хочет не растерять ре-

шимости на то, что считает нужным сделать.

Возможно, ещё пару недель назад Ева в третий раз повторила бы «идиот». А потом подробно растолковала бы почему. Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы знать: каким бы импульсивным ни был этот его порыв, он ничего не делает не подумав. Так просто отрезать его не выйдет.

И поэтому она сказала:

– Эгоист.

Его улыбка поблекла лишь самую капельку.

– Забавное утверждение, учитывая обстоятельства.

– Это всё не ради меня. Ради себя. Такое – всегда ради себя, себя самого! Потому что тебе плохо. Потому что тебе не страшно покончить со всем. – Последнее она почти выплюнула. – Вам плевать на тех, кто вас любит. Тех, кто умрёт вместе с вами.

– Никто из вас не пострадает. На случай гибели владельца у охранных чар замка существует резервный источник энергии. Эльен и Мелок начнут черпать силу оттуда же. Окажутся привязаны к его стенам, правда, но это ничего, – пояснил Герберт с убийственным хладнокровием. – Право прохода сквозь мои заклятия для тебя вплетено в руны вокруг рубина, так что...

– Я имела в виду другое.

Забавным выходил этот разговор. Он, который собственные слова обращал в первую очередь к самому себе. Она, ко-

торая обращала свои слова больше к мёртвому брату, чем к живому возлюбленному, высказывая второму то, что не решилась и не успела сказать первому.

Слова, вспарывавшие так и не зажившие раны. Слова, оставлявшие взамен то, что помогало их затягивать.

– Брось, – помолчав, изрёк Герберт небрежно и устало. – Друзей у меня нет. Семьи, можно считать, тоже. Ты знаешь меня всего ничего, Миракл шесть лет жил со мной в ссоре и не умер. Не настолько я хорош, чтобы...

– Я твой друг. Я! И твой брат, и твой дворецкий, и даже твой кот! Что будет с нами, когда тебя не станет? Что мы должны чувствовать, когда ты унижаешь и уничтожаешь то, что мы любим? – Не дождавшись, да и не ожидая ответов, Ева вонзила ногти в собственные колени, обтянутые шерстью узких брюк. Возможно, на них оставались синяки, но даже если так, их тут же стирала регенерация. – Говоришь, твоя жизнь недорого стоит? Если ты настолько глуп, что не понимаешь этого сам, напоминаю: для меня ты бесценен. Разве я – пустое место? Все мы? Разве мы не стоим того, чтобы ради нас вместо грязи видеть красоту?

Он разомкнул губы. Ничего не сказав, сомкнул вновь.

Повисшую тишину разбил звук, с которым открылась дверь, явив Мелка: он висел на длинной ручке, цепляясь когтями за медную резьбу.

Герберт проследил, как кот деловито и целеустремлённо направляется к кровати. Уставившись перед собой за-

стывшим взглядом, долго гладил питомца за подставленным ухом, когда тот бесцеремонно сел между ними.

– Значит, Любовь и Красота? – сказал некромант затем. – Вот и всё, что есть стоящего в этом несправедливом, невыносимом мире?

– Да. Всё, – сказала Ева. – А разве этого мало? – подавшись вперёд, она коснулась коротким поцелуем его рта, словно проводя тактовую черту. – Мы будем жить. Оба. Вместе. Только так.

Герберт снова помолчал. Перехватив Мелка под пушистый живот, поднялся с постели.

Слегка пошатываясь, бесцеремонно выставил обиженного кота за дверь.

– Только так, – вернувшись, повторил он, прежде чем начать новый такт, потянувшись к её губам.

Конечно, ничего не случилось. Даже несмотря на его расстёгнутую рубашку. У них обоих был слишком хороший самоконтроль. Ева просто не могла позволить себе зайти слишком далеко – не сейчас, когда на донышке сознания таилась настойчивая мысль, что это неправильно, – а он слишком хорошо это знал.

– Ты останешься со мной? – спросил Герберт. Они лежали рядом, и Ева расслабленно водила кончиком пальца по его груди.

– Конечно. Если хочешь. – Коротким некрашеным ногтем с белым пятнышком, похожим на улыбку, она вырисовала

на гладкой коже басовый ключ, начальной завитушкой знака обведя место, которое недавно целовала. Рубин в её импровизированном декольте, очерченном сползшим с плеч шёлком, бросал на руку отблески багряной пульсации. – Коротать эту ночь одной мне будет куда менее приятно.

– Эту ночь, – странным эхом откликнулся Герберт.

По тону угадав, что он ожидал другого ответа, Ева недоумённо повторила про себя вопрос.

– А ты... – вымолвила она, запоздало осознав, что Герберт подразумевал нечто куда глобальнее совместной ночёвки, – ты что, имел в виду...

– Тш. Забудь. – Притянув к себе её голову, он устало поцеловал её висок. – Хочешь поспать?

Она понимала, что это топорный способ перевести тему, закончить разговор, который ему не хотелось продолжать. И понимала, что по уму это не лучшая стратегия: откладывать то, о чём рано или поздно им всё равно придётся поговорить.

Но сейчас она просто не знала, что может ему сказать.

В конце концов, до её гипотетического возвращения домой ещё так далеко, а после всего произошедшего ей так хочется уснуть...

– Да. – Устроив голову у него на плече, Ева закрыла глаза. – Хочу.

Во сне она почему-то долго бегала по тайным ходам замка Рейолей, пытаясь найти выход из лабиринта запутанных

туннелей. И всякий раз, когда впереди мерещился конец пути, всё заканчивалось очередным тупиком и темнотой, в которой даже смычок мерцал блеклым умирающим светом.

В одном из тупиков, уютно устроившись в воздухе, её ждал Мэт.

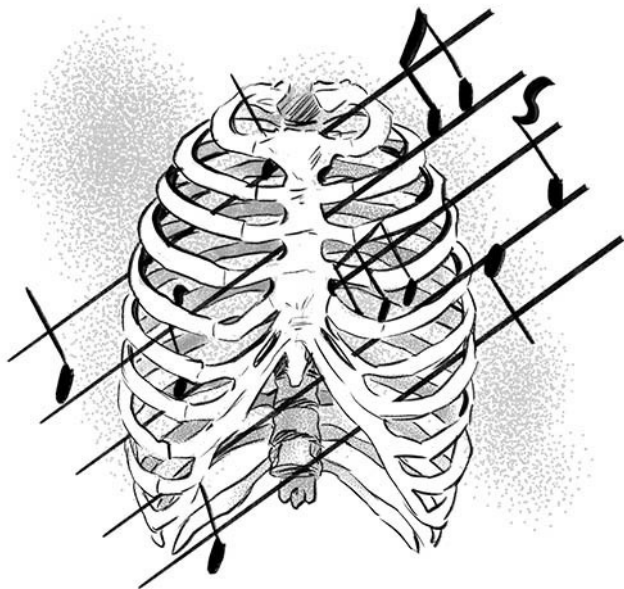
Он не сказал ни слова, но Еве было прекрасно известно, что он мог бы сказать.

– Никогда, – снова ответила она, не дожидаясь вопроса.

– Не сейчас, – с улыбкой поправил демон, на диво отчётливый и реальный для сна. – Я понял.

Глава 3

Martellato⁶

⁶ Буквально «ударяя молотом», отрывистая игра с резким, сильным извлечением звуков.

Утром следующего дня покой столичного особняка Тибелей нарушил требовательный стук массивного дверного молотка.

Дверь дома – миниатюрной копии сказочных замков с припудренными снегом острыми башенками по углам – распахнул дворецкий, едва стихли отзвуки яростных ударов металла по металлу. Воззрился на того, кто стоял на широком крыльце, так скрупулезно очищенном от грязи, льда и снега, что на нём можно было бы устраивать чаепития, не мешай тому зимний мороз.

– Миракл здесь? – осведомился Герберт.

На пару секунд опешив от визита столь высокопоставленного гостя спустя столько лет после того, как тот в последний раз переступал порог этого дома, слуга торопливо склонился в поклоне:

– Тир Гербеуэрт! Господин в Белой зале, но я доложу...

Не дослушав, Герберт бесцеремонно перешагнул порог – охранные чары безропотно пропустили того, кто часто пересекал их в прошлом. Взмахнув лапами плаща, окутывающего его волнами тёмно-лазурного бархата, направился к брату по хорошо знакомому пути, сплетённому из лестниц и анфилад.

Миракл коротал предобеденный час за тренировкой по фехтованию, в одиночестве танцуя со шпагой посреди пустой залы. Череду выпадов прервал звук отворяемых дверей: юноша замер, увидев Герберта, за спиной которого маячил дворецкий, едва поспевший за неожиданным визитёром.

В зале пахло цветами, что каждый день меняли в вазах по углам, от Мирка – морем, деревом и немножко потом, но некроманта вуалью окутывал колкий запах мороза.

– Гербеуэрт, – переведя дыхание, по возможности чопорно доложил слуга, пока некромант приближался к кузену, опустившему руку со шпагой, – тир Рейо...

Окончание имени одного из величайших родов Керфи проглотилось в суеверном ужасе, когда наследник престола, вытащив из кармана чёрный платок, по всем правилам дуэльных традиций швырнул его брату в лицо.

– Миракл Тибель, – отчеканил некромант, – мне известно, что ты посягнул на честь и расположение особы, которая мне безразлична.

Тот, окаменев, долго смотрел на когда-то лучшего друга. Смотрел всё время, пока кусок шёлковой ткани неторопливо падал к его ногам.

Без колебаний поднял платок с пола.

– Никогда не думал, дорогой братец, – бесстрастно заметил Миракл, выпрямляясь, – что ты можешь настолько потерять самообладание вкупе с самоуважением.

– Скажи, тебе мало было одного предательства, что ты решил подкрепить его другим?

Стоя посреди зала, позолотой оттенявшего белизну мрамора, Миракл Тибель расхохотался.

– Оставь нас! – это относилось к слуге, который и без того уже пятился за порог. – Кто бы тут говорил о предательстве!

Ты и правда бросаешь вызов мне? *Ты – мне?*

Иными вечерами в зеркалах по стенам отражались танцующие гости и радостная бальная суэта. Сейчас там виднелись лишь два брата, волками глядевшие друг на дружку...

Ровно до тех пор, пока повисшую между ними тишину не разбил стук плотно затворенных дверей.

– Переигрываешь, – сквозь зубы отметил Герберт, вмиг прекратив злобно сверкать глазами.

– Напротив. Театральные подмостки требуют большей экзальтации, а подслушивающие под дверью подобных тонкостей не заметят, – откликнулся Миракл вполголоса. – Зато уже сегодня слухи будут гулять по всей столице на радость, сам понимаешь кому.

По мнению слуг – они уже слетались к залу стайкой птиц, жадных до крошек свежих сплетен, – появление наследника престола и правда вышло эффектным. Оба участника маленького представления несколько часов назад согласовали визит по магическому кристаллу, но для всех, кроме них двоих, то была полнейшая, пугающая, будоражащая неожиданность.

Об их сговоре не стоило знать ни одной живой душе.

Неживая, в данный момент сосредоточенно водившая смычком по струнам в замке Рейолей, была не в счёт.

– Так куда ты собираешься? – немногим ранее спросила Ева, лёжа на алтаре в библиотеке.

Герберт не ответил. Не сразу – слишком занят был тем, что сосредоточенно взрезал себе руку. Когда на пол с пальцев закапала кровь, прикрыл глаза.

Ева ничего не почувствовала. Впрочем, она ничего не почувствовала и раньше, когда в качестве утренней зарядки Герберт вынудил её сотворить щит, пару атакующих заклятий и помахать смычком. Хотел проследить, как на это отреагирует магический резерв, и спустя пару минут объявил неутешительный вывод: её сидис расходуется в бою куда быстрее, когда Ева черпает силы для существования из собственных запасов.

Пришлось поверить некроманту на слово и, проследовав за ним в библиотеку, лечь на алтарь для повторного ритуала привязки. Если отрубить доступ энергии было просто, то возобновить её подачу – куда сложнее.

– Вызвать Мирка на дуэль, – по всей видимости, завершив ритуал, произнёс Герберт.

Ева уставилась на его невозмутимое лицо.

– Айрес поняла, что я неровно дышу к кому-то. – Некромант отбросил окровавленный нож на столик с инструментами, взамен него взглядом подняв в воздух бинт и ножни-

цы. – Я не назвал имени возлюбленной, но якобы уже успел благополучно с ней порвать. Придётся разыграть ещё один спектакль.

– Под названием «предатель предаёт дважды, или один брат увёл девушку у другого»? – закончила Ева, смекнув, что к чему.

– Иначе Айрес наверняка заподозрит, что мы с Мирком примирились. – Выждав, пока рана перебинтуется, Герберт позволил ножницам опуститься обратно на стол. – А ещё мне пообещали помочь с мифическими письмами моей зазнобы, которые я должен отдать Айрес в ближайшее время. К слову, можешь вставать.

– Что за резервный источник энергии ты упомянул вчера? – сложными путями пронесшись по приятным и неприятным воспоминаниям о вчерашнем вечере, спросила Ева, сев на тёмном камне.

– В стены замка вмурованы кристаллы-ловушки. Они улавливают и впитывают часть магической силы, что выплёскивает владелец. Бывают ещё материалы, впитывающие магию, определённые виды дерева и камня... Но они далеко не так эффективны.

– Забавно. В нашем мире... в книжках и фильмах... призраки часто привязаны к конкретному дому.

– Как я понял, в вашем мире многие магические принципы угадали верно. Пусть порой и не совсем точно. – Опустив замотанную руку, Герберт подступил ближе к алтарю. Опер-

шись на камень здоровой ладонью, ошастливил её прощальным поцелуем. – Я ненадолго.

Прежде чем он отвернулся, Ева удержала его за рукав.

– Знаешь, когда я упражнялась последние дни... В саду... – стесняясь потенциальной паранойи, всё же произнесла она, – мне казалось, кто-то за мной наблюдает.

К счастью, Герберт к её словам отнёсся максимально серьёзно.

– Кто?

– Не знаю. Я никого не видела. Но мне всё равно казалось. – Ева встревоженно поёрзала на жёстком камне. – Если перебраться через садовую ограду, это возможно, так ведь? Особенно если у тебя подзорная труба или что-то в этом духе... И ты скроешься под чарами, или артефакт поможет тебе слиться с деревом или стеной, как сделал этот парень, Тиммир...

– На стенах висит охранный контур, оповещающий меня о проникновении. Хотя его при желании можно обойти.

– Твой контур – да обойти?

– Я специально поставил на стены не самый сильный. Чтобы милые люди, время от времени желающие меня убить, не пугались и пролезали в сад, где их уже ждет нечто посильнее. И посмертальнее. – Так вот почему секретарь лиэра Кейлуса почти успешно завершил свою шпионскую миссию. – Но все ярусы сада, кроме первого, окружают чары, препятствующие обзору извне. Если, конечно, кто-то не изобрёл арте-

факт, способный их пробить... Смогли же «коршуны» наложить на меня маячок.

Ева вспомнила мерцающий монокль, что когда-то видела у помилованного ею Тиммира Лейда.

По коже её пробежал бы холодок, не будь она и без того холоднее некуда.

– Думаешь, снова «коршуны»? Или другие посланцы твоего дядюшки?

– Не знаю. Но будь вдвойне осторожной. – Герберт погладил её по волосам. – Не волнуйся, в замок никому не проникнуть. Здесь ты в безопасности. Просто не выходи наружу без меня, ладно?

Провожать себя он запретил. Так что Ева провожала его взглядом, стоя у окна тренировочного зала, пока далёкая фигурка в синем плаще не растаяла в воздухе у самых ворот. Тогда, пытаясь не прислушиваться к голосу неясной тревоги, она отступила от широкого подоконника и, вытащив на середину зала стул, с некоторых пор всегда ждущий в углу, открыла прихваченный футляр с Дерозе.

Оставалось надеяться, что предчувствия в кои-то веки её обманывают. Благо Ева знала отличный способ забыть обо всём, о чём ей хотелось забыть.

* * *

– Так что там с письмами? – по-прежнему вполголоса

уточнил Герберт.

– Как я понял, тебе нужны послания от девы, которая сперва благосклонно принимает ухаживания, а затем отвергает опостылевшего поклонника?

Безопаснее было бы обсудить всё по кристаллу, но чем дольше длился бы сеанс магической связи, тем тяжелее оказалась бы головная боль, которую Герберту суждено было ощутить в качестве отката. Поскольку последствия ночной передозировки и без того давали о себе знать (перенос в столицу из дома дался некроманту куда тяжелее обычного), детали решили обговорить при личной встрече. Всё равно среди бдительных слушателей нового акта их семейной драмы магов не наблюдалось, а любые артефакты, пронесённые тайком, защита поместья размагничивала: можно было не бояться, что кто-то услышит больше положенного.

И пусть время от времени с крика братья переходили на зловеще пониженный тон – пожелания скорейшей мучительной смерти в любом случае лучше не выкрикивать, а шипеть.

– Магией подделать не могу. *Она* заметит, – сказал Герберт, будто оправдываясь. – Девушка должна быть реальной. Знакомой. А у меня со знакомыми лиореттами, заслуживающими доверия, сам понимаешь, не сложилось.

– Но *она* может возжелать поговорить с лиореттой. Дабы убедиться, что ты не лжёшь.

Упомянуть имя королевы оба не решались. Подальше от греха.

– Думаю, вызывать лиоретту к себе для приватной беседы *она* всяко не станет. Скорее дожждётся ближайшего бала, а тот не скоро. Письма и дуэль успокоят её – хотя бы на некоторое время. – Герберт помолчал, будто размышляя над собственными словами. – Особенно если меня нешуточно ранят.

– Или нас обоих. – Кивнув, Миракл набрал воздуха в грудь: – Да как ты смеешь заявляться сюда и оскорблять меня под собственной крышей?!

– Так же, как ты смеешь посягать на то, что я обрёл впервые после стольких лет страданий, а тебе совершенно ни к чему! – возвестил Герберт так же громко. – Красавчик с арены, любимчик публики, несносный спесивец! Привык сры-
вать все плоды, до которых можешь дотянуться?

Переведя дыхание, оба покосились на резные белые двери.

С той стороны царила тишина. Но тишина эта была настолько убедительно, старательно тихой, какой может быть только тишина, хранимая десятком подслушивающих людей.

– Дрянная всё же драма у нас получается, – признал Герберт свистящим шёпотом.

– Сойдёт. – Миракл поудобнее перехватил шпагу. – Я правда казался тебе несносным спесивцем?

– Можешь считать это почти исключительно художественным вымыслом.

Усмехнувшись, Миракл выплел кончиком шпаги витие-

ватый вензель, рассекая воздух над полом:

– Письма можно организовать, но лучше поручить это тому, кто способен хоть отчасти включиться в игру. Сестра Кроу подойдёт?

– Кроу Соммит? Твой командир по арене? – Герберт с сомнением вскинул брови. – Думаешь...

– В последнее время я частенько радую Соммитов визитами. Ищейки Охраны наверняка об этом знают. У них вся семья в деле, и дочь тоже. Я посвятил моих сторонников в то, что ты с нами на одной стороне, – это прозвучало почти деликатно. – Без подробностей. Чтобы тебя, знаешь ли, во время восстания случайно не атаковали вместе с *ней*.

– Только вот с *ней* справиться будет непросто.

– Поэтому, когда всё начнётся, тебе лучше держаться от неё как можно дальше. – Взмахнув шпагой, точно подсекая ногу невидимого врага, Миракл серьёзно взглянул на кузена: – Мне бы не хотелось сражаться с тобой по-настоящему. Если она отдаст тебе такой приказ.

– Не бойся. Если даже я окажусь рядом, у меня припасён план, как этого избежать.

– О котором мне, полагаю, лучше не знать.

– Есть секреты слишком важные, чтобы раскрывать их хоть кому-то.

Перед завершающей репликой Мирк прокашлялся.

– Ни слова больше! – патетически возвестил он, для острастки резко отбросив руку со шпагой в сторону. – Зав-

тра, на три, на перекрёстке перед Дьоккским лесом. А теперь изволь убраться отсюда немедленно!

Отвесив насмешливый поклон, Герберт направился к дверям.

Когда он вышел в зал, анфиладой примыкавший к оставшемуся позади, горничные уже упорхнули встревоженной птичьей стайкой, а дворецкий с непроницаемым видом стоял у дальнего окна.

Особняк Миракла не мог похвастаться такой защитой, как замок Рейолей, но ограничения на магические перемещения действовали почти во всех аристократических жилищах. Пришлось возвращаться в сад, белый и скучный (хотя после назойливой цветочной сладости, разлитой по дому стараниями слуг, запах холодной свежести был приятен), и идти к воротам вдоль фигурно стриженных кустов, припорошенных белизной поверх зелени.

Кованые створки распахнулись сами собой, выпуская гостя. Не дожидаясь, пока ворота за его спиной снова сомкнутся, Герберт сотворил заклинание, призванное вернуть его к родным стенам.

Тут-то его и ждал неприятный сюрприз.

* * *

Ева искренне желала, чтобы её интуиция периодически давала осечки, – но, к сожалению, на пакостные фокусы судь-

бы чутьё у неё было до прискорбного превосходное.

Она очень старалась утопить тревогу в занятиях, да только мысли о «коршунах», которые могли поджидать Герберта по пути к брату, не давали толком сосредоточиться. Так что, разыгрываясь и балуя звонкую акустику зала тягучими звуками, Ева то и дело косилась на окно.

Поэтому она не пропустила момент, когда стёкла внезапно задрожали от чего-то, ударившего в них отблеском ослепляющей белизны, а до слуха донёсся гул далёкого взрыва.

Ре-мажорное арпеджио оборвалось на вопросительном восходящем фа-диезе.

Торопливо опустив Дерозе на пол, Ева подбежала к окну.

Настежь распахнутые замковые ворота пылали костром. На брусчатой дороге чернело копотное пятно. Дюжина фигур в чёрном окружила мальчика в синем плаще: вернувшегося Герберта Ева разглядела даже в цветастом мареве заклятий, которыми некромант отбивался от потенциальных убийц.

Смычок выпал из пальцев, вцепившихся в каменный подоконник, выглаженный старостью.

– Лиоретта! – Эльен ворвался в зал, пока Ева наблюдала за схваткой. – Нападение! Ворота... я ощутил...

– Я вижу.

«Коршуны» атаковали со всех сторон магией и холодным оружием, медленно сжимая кольцо. Чёрные тени – всего три – раскидывали щупальца, защищая хозяина, и пока Гербер-

ту удавалось обороняться, но Ева знала: долго ему не продержаться. Слишком он ещё слаб после вчерашнего.

Слишком много противников, наверняка принявших в расчёт свою прошлую ошибку.

Решение пришло мгновенно. За миг до того, как пальцы сами собой рванули оконный шпингалет.

– Лиоретта, – вымолвил призрак, когда Ева настежь распахнула створки и вскочила на подоконник, – что вы...

Окончания фразы она уже не слышала.

Ева шагнула вперёд, в полёте выплетая заклятие левитации: спускаться по лестнице было бы слишком долго. За секунду до приземления притормозила, ловя под подошвами туюфель спружинивший воздух; мягко опустилась на снег, не примяв его, и метровыми прыжками устремилаь через сад к развороченным воротам.

Прости, Герберт, думала она, перемахивая лестницы между ярусами за один шаг и стремительно приближаясь к месту сражения. Поле битвы застилал дым, озаряли разноцветные вспышки, окружали пляшущие искры и сполохи заклятий. Я помню, ты велел сидеть в замке. И если бы хотел моей помощи, уже призвал бы меня к себе.

Но я не могу оставаться в стороне, когда тебя хотят убить.

Щит она призвала загодя. Как и смычок. Со стороны «коршунов» было крайне неосмотрительно не ожидать нападения со спины, но Ева лихо отшвырнула в стороны троих

убийц, расчистив путь к цели.

Даже странно, что всё оказалось так легко.

– Всё-таки пришла, – констатировал Герберт, когда она, проскочив между услужливо расступившимися тенями, нырнула под прозрачный пузырь его щита.

– Думал, я могла тебя бросить?

– Нет. Не думал. – Некромант запустил руку под плащ. Ева ожидала, что он вытащит нож, но в пальцах его оказался широкий металлический браслет, окутанный голубым мерцанием. – Убери щит, он тебе больше не нужен.

Снаружи, за пределами маленького клочка дороги, защищённого тенями и пузырём волшебного барьера, продолжало что-то вспыхивать и грохотать, но Герберт был убийственно спокоен.

– Снова убьёшь их Мёртвой Молитвой? – без раздумий подчинившись, спросила она.

– Нет. Есть идея получше. – Герберт разомкнул браслет – дутое кольцо, испещрённое рунами. – Дай руку.

Ситуация не располагала к оспариванию ни приказов, ни просьб, и Ева без вопросов вложила свободную ладонь в его пальцы. Позволила некроманту задрать рукав её рубашки, чтобы защёлкнуть браслет на запястье.

Она не сразу поняла, что не так. Осознала лишь, что произошло нечто ужасающе неправильное – и, продолжая слышать треск и взрывы заклятий, ощутила себя оглохшей. Впрочем, миг спустя грохот битвы тоже затих, заставив Еву

с тревогой воскликнуть беспомощное короткое «а» – и понять: нет, со слухом всё в порядке. Просто «коршуны» почему-то прекратили атаковать.

А ещё смывок – сам, без её желания – пропал из пальцев опущенной руки.

Герберт начертил рунную вязь на её лбу ещё прежде, чем тени и щит исчезли. Прежде, чем маска, наведённая магией, спала с его лица. Прежде, чем светлые волосы потемнели, радужки с голубого сменили цвет на бронзовый, а на глазах взрослеющее лицо растянула незнакомая улыбка.

Прежде, чем Евины ноги подкосились, отказываясь держать хозяйку.

– Безмерно рад знакомству, лиоретта, – сказал Кейлус Тибель, подхватив Еву на руки за миг до того, как она провалилась во тьму.

Они растаяли в воздухе первыми. Следом один за другим исчезли «коршуны». Вместе с последним из них растворилась иллюзия дыма, пламени, следов от взрыва на целёхонькой брусчатой дороге.

К тому моменту, как Герберт – настоящий Герберт, который получил тревожный сигнал на полпути из лесной глуши, куда его выкинул с чего-то давший осечку перенос, – промчался по мосту через реку, сражаться было уже не с кем.

– Как по нотам, – заключил Кейлус, материализовавшись в собственной гостиной с долгожданным трофеем.

Лиэр Дэйлион, ждавший в кресле, лениво стряхнул серые хлопья с сигары в бронзовую пепельницу. Остальные «коршуны» из замка Рейолей переместились кто куда, но их главарь, руководивший операцией издалека, принял любезное приглашение лиэра Кейлуса заглянуть на хорошо выдержанный рэйр.

Всё равно на сей раз они проворачивали дело, для которого алиби им было ни к чему.

– Рад, что на сей раз мои ребята не подвели.

Уложив бесчувственную девчонку на кушетку, синевшую аквамаринovým бархатом под занавешенной картиной на стене, Кейлус проверил, надёжно ли держится блокирующий браслет. Убедившись, что тот сам собой уменьшился под хуленькое запястье новой владелицы, отметил, что руки у той и правда музыкальные, пусть и маленькие. Изящные, с хрупкими тонкими пальцами. Подушечки левой жёсткие, мозолистые – струнные... но синяк под подбородком, характерный для фиола, отсутствует. Скорее всего, сиэлла. Когда она проснётся, стоит проверить догадку.

Хотя, учитывая ситуацию, вместо ответа ожидаемо будет услышать из её уст красноречивые пожелания, чтобы похи-

титель сотворил с собой нечто не слишком приличное – и противоестественное даже для него.

Длинные волосы гостьи пшеничной вуалью накрывали лёгкую белую рубашку. Ноги в узких штанах и домашних туфлях мокли от тающего снега.

– Кто бы мог подумать, что дюжина моих ребят полегла из-за эдакой фитюльки, – пробормотал лиэр Дэйлион, глядя на её бледное лицо, беззащитное и умильное, как у котёнка.

План убийцы оказался хорош. Припасти браслет, блокирующий магию (с парой других полезных свойств). Дождаться, пока круглосуточное наблюдение доложит, что мальчишка отлучился. Наложить вблизи замка чары пространственного искажения: они отбрасывали любого, кто пытался переместиться к замку магией, в лесную чащу, ведь законный хозяин не должен был вернуться домой раньше, чем спектакль подойдёт к концу.

Спрятаться под ложной личиной. Разыграть нападение, выманив влюблённую девчонку из замка: охранные чары оповещали об атаке не только некроманта, но и его дворецкого, тот едва ли мог не сообщить об этом драгоценной гостье, а та, в свою очередь, вряд ли могла остаться в стороне – в конце концов, от этого зависела и её нежизнь. Подманить поближе, надеть браслет, ретироваться прежде, чем придётся столкнуться со взбешённым Уэрти... И вот он, результат, мирно спящий на кушетке.

– Вы знаете моё отношение к гибели невинных, лиэр Ти-

бель, – выпустив в потолок дымную струйку, горчившую воздух сырым ароматом земли и мха, невзначай заметил лиэр Дэйлион. – Я буду... приглядывать за вашими действиями.

– Она уже мертва, если вы не заметили.

– Вы поняли, что я имею в виду. – Убийца затянулся, обращая серость сигарного кончика золотом. – Не в ваших интересах перекочёвывать в разряд персон, на которых я принимаю контракты.

– А сейчас на меня, стало быть, не принимаете?

– Нет. Хотя желающие были.

– С чего такая честь?

– Знаю, кто составляет ваш штат прислуги. Да и пьески ваши хороши... Только не те, что на танцуйках оскомину уже набили. Те, откровенно говоря, пошлы и бездарны до неведения. – Лиэр Дэйлион затушил сигару о резное бронзовое донышко. – Люблю, знаете, иногда по вечерам слушать, как дочка что-нибудь из вашего раннего наигрывает. Или поёт. – Неторопливо поднявшись с кресла, мягкой пружинистой походкой убийца направился к дверям. – Надеюсь, вы осуществите то, что хотите.

Пристальный взгляд Кейлуса проследил за ним до самого выхода.

– Всё хотел спросить, какой вам в этом интерес, – сказал он, когда лиэр Дэйлион уже взялся за круглые медные ручки.

Тот, как и следовало ожидать, оглянулся. Замер, в равнодушной задумчивости постучав указательным пальцем по

гладкой, побуревшей от времени меди.

– У меня неплохое чутьё на перемены ветра, лиэр. А с недавних пор ветер дует в сторону смены власти. Я не прочь увидеть на троне новое лицо, и при одних обстоятельствах на этом ещё и заработаю, тогда как при других – нет. Король из вас, откровенно говоря, вышел бы паршивый, зато ненависти к сестрице с лихвой хватит, чтобы её уничтожить. Место её, с пророчеством или нет, в конце концов займёт сильнейший, так я считаю. – Колючие сапфиры его глаз смеялись над собеседником обезоруживающей прямолинейностью. – Сталь, связи и поддержка многих, знаете ли, надёжнее слов на какой-то старой бумажке.

– И поэтому вы не принимаете контракты на Миракла, – констатировал Кейлус, наконец разгадав никак не дававшуюся ему шараду.

– Думаю, мне зачтётся этот маленький реверанс. В своё время. Скромное участие в нелёгком деле революции, быть может, тоже... особенно если правильно его подать. – Взгляд убийцы окрасил смешливый блеск. – Бывайте, лиэр Тибель. Ещё увидимся.

Прежде чем за ним затворилась дверь, Кейлус ещё успел увидеть, как ждавший в галерее Тим – так сложилось, что его секретарь брал на себя ещё и функции дворецкого – жестом предложил гостю следовать за ним. Поднял взгляд на занавешенную картину.

Даже забавно было бы сдёрнуть сейчас сизый бархат...

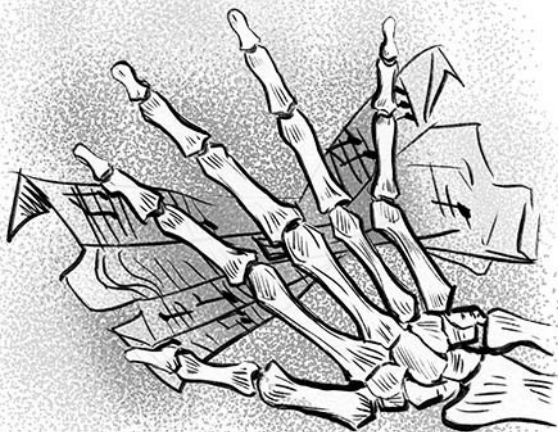
чтобы та, кто изображена на холсте, могла посмотреть на ту, кому суждено её свергнуть.

Впрочем, всему своё время.

– Пойдём-ка. – Помедлив достаточно, чтобы гость успел удалиться, Кейлус вновь подхватил на руки свой светловолосый приз. – Для тебя приготовлено ложе поуместнее.

Глава 4

Con collera⁷

⁷ С гневом (муз.).

Ева сидела на сцене. Впереди между рядами заполненных кресел убегала вдаль зелёная ковровая дорожка Большого Зала Консерватории. Позади затих оркестр. Между коленей ждал Дерозе, готовый отозваться бархатистым голосом струн.

Только вот смычка в её пальцах не было, а кисти сковывали наручники.

Зрители в зале начали перешёптываться. Потом свистеть. Когда Ева подняла взгляд, глаза у них светились голубым. Она обернулась на оркестр – там тоже ждал знакомый демонический фосфор вместо радужек и белков.

– Я уже говорил тебе, что ты сердобольная дурочка? – лениво постукивая палочкой по пульта, произнёс Мэт, занявший место дирижёра.

Из кошмара Ева вынырнула резко, точно из удушающей водной глубины. Некоторое время моргала, глядя на незнакомую серость мозаичного по – толка.

Осознав, что лежит на чём-то твёрдом и чертовски неудобном, повернула голову.

Воспоминания о последних событиях нахлынули одновременно с тем, как она встретила спокойный взгляд незнакомца, что стоял рядом, вытирая окровавленный ланцет.

– Поразительно, – сказал он. – Я знал, что мальчишка гениален, но не догадывался насколько. – Придирчиво оглядев лезвие на свет, он убрал инструмент в бархатный футляр, похожий на пенал-свёрток – почти такой же, какой Ева при-

выкла видеть на столе в библиотеке Герберта. – Признаться, я надеялся упокоить тебя и поднять заново, привязав к себе. Но эта вязь... – Взгляд незнакомца устремился на то, что многим мужчинам было бы вполне естественно разглядывать при виде нагой девушки, но Ева знала: он изучает рунный узор на оправе рубина, что пульсировал в её теле вместо небьющегося сердца. – Столь филигранно и сложно, что страшно притронуться.

Запоздало осознав, что она лежит на алтаре полностью обнажённой, Ева торопливо села. Съёжилась на холодном камне, прижав к груди плотно сомкнутые колени, лихорадочно оглядела место, в котором очутилась.

Оно чем-то напоминало рабочий кабинет Герберта, только выдержано было сплошь в серости и серебре. Даже алтарь, занимавший самый центр просторной комнаты, кажется, был аккуратно вытесан из серого мрамора.

– Держи. – Отступив назад, мужчина взял с кресла подле стола нечто из золотистого шёлка, перекинутое через спинку. Не приближаясь, кинул ей; Ева машинально поймала, не сводя дикого взгляда со своего тюремщика. – Должен сообщить, что помимо чар, полностью блокирующих магию, на твоём браслете чары Ломирье. Так называемое «заклятие куклы». Мне достаточно сформулировать мысленный приказ – и ты застынешь на месте, безвольная, словно шарнирная фигурка. То же случится, если попробуешь предпринять что-либо, угрожающее безопасности обитателей этого дома.

Или пересечь границу территории, которую я счёл дозволенной к прогулкам. Впрочем, в твоём распоряжении целое крыло, для прогулок вполне достаточно. – Он улыбнулся, и от этой улыбки его красивое лицо сделалось на диво неприятным. – Как бы я ни презирал магию, в ситуациях вроде этой она довольно полезна.

Набросив платье на плечи и колени, Ева прикрылась им, словно полотенцем, и посмотрела на свою руку.

Дутое серебряное кольцо слегка мерцало на кисти. Теперь уже не голубым, а зелёным – той зловещей ядовитой зеленью, какой в фильмах раскрашивают колдовское пламя или злую магию. Ева попыталась призвать смычок, но усилия оказались тщетными. Сотворить усыпляющее заклятие, вычертив рунную цепочку под прикрытием золотистого шёлка и едва слышно выдохнув нужную формулу, тоже не вышло.

Блокировка магии, значит. Плохо. Очень плохо. Еве жутко хотелось проверить, насколько правдивы другие его слова, но сперва...

– Кейлус Тибель? – уточнила она, кутаясь в платье.

Мужчина с непроницаемой улыбкой склонил голову набок:

– Стало быть, ты меня знаешь?

– Я изучала семейное древо Тибелей, – безнадёжно откликнулась девушка. – Учитывая некоторые обстоятельства, догадаться несложно.

Лиэр Кейлус кивнул. Какое-то время молча наблюдал, как

она озирается, ища пути к отступлению.

Комната явно находилась то ли в замке, то ли в усадьбе. За тёмным окном не было видно ни зги. Даже если она вскочит и каким-то образом разберётся с лиэром Кейлусом-маркато-ему-в-задницу, что дальше? За дверью наверняка дежурит кто-то вроде стражников... или нет? Их может не быть лишь в одном случае: если её тюремщик целиком и полностью полагается на браслет.

Впрочем, он никогда не остался бы с ней наедине, не будь он уверен в своей защищённости. И блефовать вряд ли стал бы.

– Где же крики? – осведомился хозяин дома, прервав затянувшееся молчание. – Бесполезные попытки сбежать или освободиться? Осыпание меня отборной бранью?

– Как будто мне это поможет. – Ева украдкой дёрнула браслет правой рукой. Как и ожидалось, тот сидел на кисти левой так плотно и недвижимо, словно намертво врезался в кожу. – Впрочем, если вы так хотите, могу придумать вам парочку красочных эпитетов.

– В подобной ситуации вполне естественно не скупиться на... эпитеты. – Он снова улыбнулся, разглядывая её, точно любопытный экспонат за музейной витриной. – Не обязательно красочные, зато ёмкие.

– Могу ещё послать вас в некое место, куда никогда не заглядывает солнце, – припомнив рассказы и намёки Эльена, которыми тот не преминул прояснить одинокое семейное

положение достопочтенного лиэра Тибеля, вежливо предложила Ева, – но если ходящие о вас слухи правдивы, вы и так там регулярно бываете.

Разум постфактум завопил о том, что оскорблять (пусть даже самым корректным тоном) подобным образом подобную персону – не самое разумное решение. Но Кейлус Тибель в ответ лишь расхохотался.

– Так котёнок умеет щерить зубки. Мило. – Смотав футляр с инструментами, завязав узлом атласный шнур, он кинул тихо звякнувший свёрток на письменный стол, где царил художественный хаос. – Может, всё же Уэрти тебя и прикончил? Он остроты в свой адрес не жалуется... К тому же мёртвой куда легче управлять. Хотя нет, у малыша кишка тонка. Айрес, верно? – прочтя ответ в её лице, всё с той же улыбкой Кейлус присел на край стола и оперся ладонями о столешницу. – Должен сказать тебе спасибо за Тима.

Ева ничем не выдала, что понимает, о чём речь. Слишком занята была прикидками, когда лучше попытаться вылезти в окно: сейчас, не дожидаясь развития событий (которое почти наверняка ей не понравится), или когда её (теоретически) оставят одну. Хорошо хоть лиэр тактично держался поодаль. А может, опасно?..

Дубль диез, и почему она не взяла в привычку всегда таскать на шее кристалл для связи – вместо того, чтобы хранить его в виолончельном футляре! Насколько всё было бы проще, если б сейчас она могла поговорить с Гербертом!..

– Ты ведь его пощадила, – продолжил Кейлус. – Я знаю, что это ты. Уэрти бы не пощадил. И был бы прав: во многом ты здесь из-за этого.

– Я всё равно ни о чём не жалею, – честно буркнула Ева, отогнав мысли о том, как за гранью видимости наверняка злорадствует Мэт.

– Даже о том милом мальчике из книжной лавки? Которого ты так неосторожно загипнотизировала во время такой неосторожной прогулки? – Заметив, как она напряглась, Кейлус с видимым удовольствием перебрал пальцами по звонкому дереву. – «Коршуны» лиэра Дэйлиона выведали немало, пока наблюдали за вашими с Уэрти экзерсисами в саду, но без того бедолаги я не мог быть уверен в том, куда их посылать. А мальчик оказался кладезем полезной информации... Поверь, мне очень не хотелось его убивать.

Её испепеляющий взгляд, отразивший всю боль и ненависть, что всколыхнулись в душе, явно вызвал у него одно лишь веселье. И от тирады, уличающей собеседника в грёбаной психопатии и желающей ему поскорее занять место в аду рядом с такими же кровожадными ублюдками, Еву удержало лишь осознание: это абсолютно бесполезно, и оскорбление того, кто в данный момент полностью властен над твоей судьбой, – по-прежнему не самое разумное решение.

– Дайте-ка угадаю, – произнесла она вместо всего, что так просилось на язык. – Вы жаждете получить корону. За мой счёт.

– Можно и так сказать, – легко согласился Кейлус.
– И вас не смутило, что у меня нет огненного меча?
– Волшебный меч – дело наживное. Учитывая, что один отряд «коршунов» вы с Уэрти благополучно упокоили подле истока Лидемаль... Подозреваю, вылазку туда вы предприняли не просто так, верно?

Умён, сволочь, глядя в тёмные глаза, смеющиеся над ней бронзовым блеском, подумала Ева тоскливо.

– Если помните, в пророчестве истинный король должен возложить на моё чело обручальный венец. Считаете, у народа не вызовет удивления смена, хм, ваших предпочтений?

Кейлус, ничуть не смутившись, ласково склонил голову:

– Как твоё имя, кошечка?

– Ева, – поколебавшись, сказала она, сочтя представление не столь большой ценой за то, чтобы не слышать из его уст обращений на тему семейства кошачьих.

– Оденся, Ева. – Лицо его осталось улыбочивым, но в глазах блеснул нехороший металл. – Ты моя гостья. Гости не должны испытывать дискомфорт, который сейчас испытываешь ты.

Она покосилась на платье, в которое продолжала кутаться, словно в обычную тряпку. Из мягчайшего шёлка, расшитое серебром и капельками хрусталя, явно стоившее, как чья-то годовая зарплата. Достойное принцессы.

Она предпочла бы ему любые лохмотья, и не только по этическим соображениям. В мире, где существует магия, да-

же от платья можно ожидать подлости. Тем более от платья, полученного от врага.

– Лучше верните одежду, в которой вы притащи... я прибыла сюда.

– Прошу прощения, но её уже уничтожили. – Лиэр демонстративно отвернулся, глядя в окно. – Оденься. Не хочу тебя принуждать.

Ева уставилась на его спину, облитую чёрным бархатом сюртука, сдержанно расшитого серебром. На атласную ленту, что низким бантом перехватывала до лопаток достававшие тёмные кудри.

На затылок, соблазнительно подставленный под удар. К примеру, тяжёлым подсвечником с магическими кристаллами, так кстати сиявшим на каминной полке.

Провоцирует на атаку? Провоцирует. Не иначе.

Но она ударит лишь тогда, когда он не будет ожидать.

Торопливо натянув платье через голову, Ева соскользнула с алтаря, позволив широкой юбке опасть к ногам искривистыми складками. Кусая губы и нервно пытаясь коситься одновременно через плечо и на фигуру у стола, попробовала застегнуть мелкие скользкие пуговички сзади, чтобы шёлк перестал соскальзывать с плеч.

Замерла, когда враг, незаметно оказавшись близко, зашёл ей за спину:

– Позволь мне.

Когда его пальцы аккуратно убрали ей волосы с шеи, со-

брав их на одну сторону и перекинув через плечо, струна напряжения, и без того натянутая в ней туже некуда, лопнула: резко развернувшись, Ева взметнула сжатый кулак к точёному носу лиэра. Моментальным, очень уверенным движением... прерванным за сантиметр до цели.

Не по её воле.

– Заклятие куклы. Не забывай, – спокойно напомнил Кейлус, когда Ева застыла, способная только моргать. Перехватив пальцы, чуть не доставшие до его лица, опустил её покорную, безвольную руку так просто, точно та и правда принадлежала кукле. – Спадут сами собой спустя пару минут. Но если попробуешь навредить кому-либо в моём доме, история повторится, и мне для этого не нужно быть рядом. – Её взяли за плечи, вновь отвернули лицом к окну, заставляя безмолвно проклинать чёртову магию и собственное тело, неспособное противиться. – Возвращаясь к твоему вопросу... Народу совершенно необязательно знать, что связывает нас помимо церемонии обручения. И связывает ли. Но, поверь, мои *предпочтения* весьма разнообразны... В приоритете точно не маленькие мёртвые девочки, однако, если хочешь, могу сделать для тебя исключение. – Чужие руки, застегнув верхнюю пуговицу, скользнули ниже, неторопливым поглаживанием прочертив по обнажённой спине линию от плеч до талии. Двинулись выше: чужая ладонь легла ей на шею, чужие пальцы убрали волосы за ухо, чужие губы обожгли кожу на виске вкрадчивым выдохом тихих до интим-

ности слов. – Хочешь?

Если бы Ева могла, она бы сглотнула. Она вдруг вспомнила, как вела себя с Гербертом во время их давней, смешной, глупой войны, и отчётливо и тоскливо поняла: тот никогда не был ей настоящим врагом. И никогда не сделал бы того, что могло причинить ей настоящую боль.

В отличие от человека, в чьих руках – в прямом и переносном смысле – она пребывала теперь.

– Так хочешь? Говори, не стесняйся. – Тёплые пальцы, слегка пощекотав изгиб подбородка, лаской скользнули к ямке меж ключицами, но Еву не оставляло ощущение, что ласка эта в любой момент может перейти в удушье. – После активации заклęcia губы отпускает раньше всего.

– Нет, – выдохнула Ева, желая одного: чтобы Кейлус Тибель прямо сейчас оказался как можно дальше от неё. – Не хочу.

Висок согрел смешок, тихий и лёгкий, как прикосновение пальцев к клавишам на пианиссимо.

– Как я и думал. – Отстранившись, лиэр вернулся к пуговицам: судя по скорости продвижения от верхней к нижней, одевать женщин ему и правда было не впервой. – Я не хочу, чтобы ты считала меня врагом. Не в моих правилах делать с людьми то, чего они не желают сами.

– Видимо, по вашему мнению, ваш племянник просто мечтает поскорее отправиться к праотцам.

Внутри Ева тут же отвесила себе подзатыльник, жалея,

что ей так быстро разморозили неуёмный язык, но Кейлус продолжил медитативно застёгивать бесконечный пуговичный ряд:

– Как раз об этом я и хотел поговорить. Хочу предложить тебе сделку.

Она промолчала.

Знала, что условия изложат и без ответного вопроса.

– Ты права. Мне нужно падение Айрес. Мне нужна её корона. А тебе, если не ошибаюсь, нужен Уэрти, живой и здоровый.

– И что вы хотите от меня? – не выдержала Ева, когда Кейлус, закончив с пуговицами, в невыносимом гнетущем молчании откинул с плеча за спину светлую копну её распущенных волос.

– Не противься. Будь со мной, пока не исполнится, что должно, помоги осуществить то, что я хочу, и я отпущу тебя. К Уэрти, который твоими стараниями и покорностью останется жив. – Судя по ощущениям, ей заплетали косу; проникновенный голос почти гипнотически сочетался с движениями, переплетавшими длинные пряди методично и любовно, как иные дети возятся с новой куклой. – Откажись, и клянусь: я просажу большую часть своего состояния на услуги «коршунов», которые будут следовать за ним неотступно. Каждый день. Каждый миг. Куда бы он ни направился. Тебя больше не будет рядом, чтобы прикрыть его спину, пока он вершит Мёртвую Молитву, а больше из близких у него нет

ни одной живой души. И рано или поздно...

Это прозвучало не угрозой – простым будничным обещанием. И завершило речь многозначительной недоговоркой – за миг до того, как чужие руки наконец перестали её касаться.

– Оставлю тебя поразмыслить над моим предложением. – Кейлус отступил на шаг: глядя в окно невидящим взглядом, Ева услышала, как подошвы его туфель касаются серебряного ковра. – Надеюсь, к ужину ты дашь ответ.

Не оборачиваясь, она слушала, как Кейлус Тибель идёт к двери, чтобы завершить разговор глухим щелчком замка. И понимала, что игры окончательно и бесповоротно кончились.

С момента её гибели и вплоть до сегодняшнего дня ей ни разу не грозила реальная опасность. Даже когда они с Гербертом скользили по грани. Но отныне позволить себе быть упрямым, задиристым, взбалмошным ребёнком – слишком большая роскошь. Этого врага нужно не задирать, не жалить, не пробиваться к мягкому сердцу под ледяной бронёй, а убивать – без прелюдий и без осечек.

К счастью, Ева подозревала, что может ей в этом помочь.

* * *

Тим заглянул в Золотую гостиную полчасом позже, когда Кейлус, сидя за клаустуром, довольно мурлыкал себе под

нос, записывая новый романс.

– Ваш племянник, – доложил секретарь. – Он ждёт на крыльце.

– Ты не пустил его в дом? – уточнил Кейлус, не отрываясь от нотного листка.

– Как ты и велел.

– Молодец. – Перо аккуратно опустилось в чернильницу, чтобы, скользя по краю, вернуться к нотным строчкам. – В других обстоятельствах непременно пригласил бы его на чашечку фейра, но не сейчас. Передай, что я слишком занят новым произведением и буду занят таковым в ближайший месяц. Ни в коем случае не переступай порог.

Кивнув, Тим тихо прикрыл дверь. Двинулся в холл мраморными лестницами и коридорами, щедро обставленными безделушками вроде ваз и гнутых бархатных скамеечек, пропитанных ароматом шалфея: Кейлусу нравилось, когда дом благоухает, и экономка не жалела денег на аромалампы и благовонные палочки.

Вернулся ко входу в особняк.

– Я сожалею, тир Гербеуэрт, – сказал Тим, отворяя двери, которые до того нелюбезно захлопнул прямо перед носом у визитёра. – Господин не может вас принять.

Некромант стоял на крыльце. Спокойный, бледный, в том же синем плаще, в котором немногим ранее наведася к брату.

– Я не буду лгать, что прощу вам содеянное, – очень тихо

произнёс Герберт, – но, если отпустите её, возымеете шансы остаться в живых.

Тим вскинул брови:

– Не имею ни малейшего понятия, о чём вы, тир Гербе...

– Я не собираюсь играть с вами в игры, – голос Герберта не повысился ни на йоту, но интонации его способны были ужаснуть даже того, кто в принципе мало восприимчив к интонациям. – Я пришёл за тем, что он забрал у меня. Я верну её, хочет он этого или нет. Скажи ему, чтобы он впустил меня, или я сниму охранные чары и войду сам. Но когда я переступлю этот порог, ничего хорошего вам ждать не придётся.

К несчастью, Тиммира Лейда это не убедило. Он был не робкого десятка, слишком верил в Кейла и слишком хорошо держал себя в руках.

– Вынужден сообщить, что любая подозрительная магическая активность в нашем доме, как и взлом защиты поместья, подаст сигнал в штаб городской стражи, расположенный в столице, – равнодушно заметил он. – Если вам так хочется поднять напрасный шум, не сомневаюсь, что Её Величеству будет крайне любопытно узнать, зачем вы вломились в имение вашего дяди.

– Сдадите меня – умрёте сами.

– По-прежнему не понимаю, что вы имеете в виду. Но даже если лиэр Кейлус замешан в чём-либо противозаконном, полагаю, ему оправдаться будет проще, чем вам. – Юноша

почти сочувственно воззрился на бесстрастное лицо наследника престола. – Магический почерк на мифической вещи, якобы отобранной у вас, укажет не на него. А плачевной судьбы предмета вашего спора, каким бы он ни был, это не отменит. Разрешите?

Когда, откланявшись, Тим вернулся к Кейлу, тот стоял у окна. Сложив за спиной перепачканные чернилами руки, кузен королевы смотрел, как его племянник, выдавая своё бешенство лишь скоростью шага, почти бегом удаляется прочь от особняка.

– Он вернётся, – сказал Тим.

– Знаю.

– И попытается вызволить её.

– Знаю.

– И не удивлюсь, если сможет.

– Посмотрим.

Поколебавшись, Тим подошёл ближе:

– Если ты расскажешь королеве, кого он прятал в своём замке, он утянет тебя за собой. Ты правда этого не боишься?

– Нисколько. – Кейлус обернулся, явив весёлую до лёгкой безуминки улыбку. – Доказать факт пребывания девчонки в моём доме будет куда сложнее, чем его причастность к её созданию. А в самом крайнем случае... Что ж, иногда и погибнуть не жалко. – Игнорируя мрачное лицо Тима, он вернулся к инструменту. – Смотря кому перед смертью ты успеешь испортить жизнь и кого заберёшь с собой.

Глава 5

Marziale⁸

⁸ Воинственно (муз.).

– ...мы высадим войска здесь и здесь. У людей и лепреконов. Через горы было бы проще, но это сразу заметят, а маги и дроу в горах могут создать нам немало проблем. Не хочу, чтобы нашим колдунам пришлось защищать войска от магического обвала.

Нависнув над столом, Айрес следила, как тонкий палец лиэра Сайнуса, её Советника по военным делам, в двух местах коснулся карты с планом наступления на Риджию, разостланной на красном де – реве.

– Тот самый отвлекающий манёвр, что мы обсуждали в прошлый раз? – она благодушно кивнула, мельком отметив, как старательно Сайнус держит лицо подальше от лилий, белевших в вазе на столе. Аромат свежих цветов сливался с её лилейным парфюмом, и в комнате пахло почти одурманивающе; Айрес к этому крепкому запаху привыкла с детства, но Советник не раз признавался, что от лилий у него кружится голова. – Морем лучше. Управлять погодой в разы сложнее, чем расколоть камень.

– С этим их магам будет не так-то просто справиться, а нашим – легче предотвратить, – закончил Сайнус.

И это точно собьёт риджийцев с толку, добавила Айрес про себя. Хотя она старалась действовать скрытно, соседи, естественно, заметили, что Керфи копит военную мощь. Не знали только, для чего. Шпионы, посланные в Риджию, пустили слух, что керфианцы хотят напасть на Ильден; учитывая, что Айрес делала немалую ставку на флот, риджийцы

должны купиться – к ним логичнее было бы прийти по суше.

– Мы займём прибрежные города. Наши силы возрастут за счёт павших и поднятых местных. С побережья войска Болера двинутся на север, Гордока – на запад, Медибеля – на юг, чтобы ударить по трём столицам. Дроу сейчас представляют наименьшую проблему: их мало. Так что первоочередная задача – взять Мирстоф, Солэн и Ювелл.

Голос Сайнуса олицетворял его самого: сухой, стучащий согласными друг о дружку, как стучали об окружающих его длинные тонкие кости (Айрес танцевала с ним пару раз, и ощущение было не из приятных). Даже одежда не могла скрыть остроты плеч, локтей и коленей, и гладкая кожа обтягивала череп так туго, что щёки вваливались почти до длинного носа. С годами Сайнус начал лысеть, и Айрес даже ждала, когда жидкие тёмные пряди вконец покинут его макушку – это довершило бы сходство со скелетами, которыми Советнику предстояло командовать.

– Основные силы дроу до сих пор держат под горами, в Мьёркте, но часть находится в Хьярте, которую они восстанавливают из руин. Если они попытаются прийти соседям на помощь, мы встретим их. Однако я подозреваю, что они отступят в Мьёркт... И не вылезут оттуда. Я бы на их месте поступил именно так, – добавил он. – Под горами достать их куда сложнее.

– Не страшно. Если крысы решат не вылезать из норы, в ней они и издохнут. – Выпрямляясь, Айрес улыбалась. –

От крысиного лаза в стене проще всего избавиться, обрушив стену.

Узкие глаза Сайнуса сделались ещё уже:

– Вы имеете в виду...

– Похоронить их под горами, верно. Обрушить потолок их жилища им на головы.

– Ваше Величество, но силы всех наших магов не хватит...

– Вы сомневаетесь в моём могуществе, Советник?

А если всё пройдёт по моей задумке, вновь добавила она про себя, иных магов, кроме меня, не потребуется.

– Нет. – Сайнус отшатнулся от стола, чтобы склонить голову в поклоне. – Нисколько, Ваше Величество.

Айрес снова улыбнулась – почти успокаивающе. Опустив взгляд на карту, побарабанила пальцами по горному хребту, разделявшему Керфи и Риджию.

– Мне доложили, – сказала она невзначай, – что вчера на ужине, куда вы пригласили лиэра Болера и лиэра Медибеля, произошёл... инцидент.

Сайнус и глазом не моргнул. Он хорошо знал, чего стоит бояться, а чего нет. Оскорбление Айрес Тибель, особенно неверием в неё, смерти подобно; то, о чём она заговорила, даже провинностью назвать было нельзя – спасибо принятым ею законам.

Впрочем, её законы вызывали одобрение далеко не у всех. Именно поэтому Айрес сочла необходимым обсудить этот

вопрос.

– Ничего серьёзного. Гости нашли одну мою горничную достаточно привлекательной, чтобы она могла скрасить им остаток вечера. Та не оценила чести и оцарапала Болеру лицо. Болер спросил, могу ли я уступить выбор и проведение наказания им с Медибелем, и я решил, что это в некотором роде моя обязанность как добропорядочного гостеприимного хозяина.

Возразить было нечего. Простолюдины не имели права поднимать руку на аристократов. Никогда не имели. Зато аристократы имели право относиться к прислуге как к вещам: Айрес сама вернула им это право, отобранное её дедом. Подразумевалось, конечно, что они могут сколь угодно жестоко наказывать прислугу за *реальные* провинности, и смертью – в том числе. Но вылилось это в то, что прислугу приравнивали к домашним питомцам, только без привилегий последних.

Хотя те простолюдинки, что были поумнее погибшей девчонки, тоже виляли несуществующими хвостами, когда им позволяли спать в хозяйской постели. В конце концов, послушным сукам в награду могла перепасть вкусная косточка или красивый ошейник.

– И в ходе наказания, что оба проводили со спущенными штанами, они перестарались. Особенно когда пустили в ход бутылки.

– Девчонка всё равно была не слишком сметливой и ра-

дивой. Насколько я понял со слов моей экономки. Для меня все горничные на одно лицо. – Сайнус пожал плечами. – Не волнуйтесь, Ваше Величество. Она приехала из Лобдэйна. Я даже не знал, что такой городишко существует, пока не поговорил с экономкой. Её семье передали, что приключился несчастный случай, но бедняжка получит достойные похороны в столице и возможность помочь в посмертии славному дому, которому она счастлива была служить при жизни. Я помню, что нынче не лучшее время, чтобы давать черни повод распускать языки.

Пару лет назад Сайнус спокойно мог написать родным той дурочки, что она поплатилась за разбитую вазу. Или за воровство. Никто ведь не осудит тебя, если ты утопишь щенка или пристрелишь пса, что кусает твоих визитёров. Но сейчас не стоило подливать масла в огонь, тлевший под тронем Айрес тирин Тибель, даже письмом в такую глухомань, как Лобдэйн. Мало ли кто мог узнать об этом и закричать, что за время её правления таких дурочек стало *слишком* много.

Сейчас эти крики и так раздавались куда чаще, чем им бы хотелось.

– Рада, что вы проявили предусмотрительность...

– Мне не привыкать.

– ...и всё же постарайтесь удерживать своих гостей от подобных развлечений хотя бы до Жнеца Милосердного. В конце концов, правда о произошедшем известна не только вам. Мало ли кому из ваших домочадцев вздумается распу-

СТИТЬ ЯЗЫК.

Она сказала это без упрёка, без осуждения. То, что все люди не без греха, Айрес уяснила давно и легко прощала грехи своим подчинённым. Главное, эти грехи должны быть известны тебе, и тебя должны уважать и бояться достаточно, чтобы ты могла в любой момент заставить подчинённых обуздать свои дурные наклонности.

Сама Айрес ни разу в жизни не подняла руку на слуг. С детства не видела ничего интересного в том, чтобы унижать слабых. Но подобное поведение других людей, из другой, очень распространённой породы, она считала вполне естественным... Пока это рикошетом не ударяло по ней.

– Мне жаль, Ваше Величество, что вы до сих пор сомневаетесь, могу ли я держать своих домочадцев в узде. Впрочем, вы правы: это было лишним, и до Жнеца Милосердного такого не повторится. – Сайнус непреклонно вернул на карту указательный палец – будто кость из анатомического музея обтянули пергаментом. Обвёл ногтем разноцветные стрелки. – Перед атакой Мирстофа мы заставим людей распылить силы, ослабив оборону столицы. Взяв Дьян, Гордок двинет войска в сторону Корна. Едва ли люди оставят свой экономический центр без защиты, особенно зная воинственную натуру королевы Навинии. Она выведет часть армии из города, чтобы дать нам бой. Самый короткий путь от Мирстофа до Корна – здесь, через переправу Фьётур, а *тут* мы возьмём их в клещи. Маги помогут скрыть нашу передислокацию от

вражеских разведчиков. Этот лес послужит отличным укрытием коннице, чтобы Гордок мог ударить с фланга. Если разрушить мост, отступить им будет некуда, и...

Больше к теме они не возвращались. Айрес дослушала план с прежним одобрением, внесла незначительные поправки (в ходе войны придётся корректировать куда больше, но это было неизбежным: как бы ни был умён Сайнус, предсказать действия противника полностью не мог даже он) и отпустила Советника на все четыре стороны, зная, что остаток вечера он снова проведёт с Болером и Медибелем. Не прислушаться к настойчивому пожеланию Её Величества и не передать его всем, кого оно касалось, осмелился бы только глупец, а её генералы глупцами не были.

Что касается Гордока, тот не испытывал тяги к подобным увеселениям, из-за чего присутствовал на вечерах в доме Сайнуса куда реже. Впрочем, за ним водились другие грешки, которые стараниями Охраны Айрес были хорошо известны. Не столь тяжкие, но вполне весомые, чтобы служить рычагами воздействия, если деньги и высота текущего положения в определённый момент утратят для Гордока свою привлекательность.

Опустившись в кресло, Айрес повернула голову. Взглядом нашла на полке книжного шкафа золотой листок, мерцавший в деревянной коробке под стеклом: лист с эльфийского древа, что магия сберегла от тлетворного действия времени. Сувенир из Риджии, подарок её отцу от Повелителя

людей; песчинка из того воя подарков, который много лет назад риджийцы привезли с собой в Керфи, надеясь взамен забрать нечто куда более ценное.

Её.

Айрес перевела взгляд левее. Там среди других переплётков золотом по зелени вилась надпись «Брачная мудрость»: подарок отца на совершеннолетие, толстый том, написанный за сотни лет до её рождения, с советами юным лиэрам и лиореттам, как быть примерными мужьями и хорошими жёнами.

...их с братом воспитывали одинаково, в отличие от Инлес: младшую сестру никогда не воспринимали всерьёз. Инлес любили, её носили на руках, однако она родилась и росла слишком милой малюткой, чтобы выдержать груз власти. А у их отца в своё время созрел гениальный план: взрастить двух детей правителями, но лишь одного – для керфианского трона. Неспособный усилить страну изнутри, Его Величество Дэлэр тирин Тибель решил, что сделает это через выгодный альянс с соседями. Династический брак подходил для этого как нельзя лучше, а стельной коровой, проданной чужеземцам в обмен на блага для Керфи, предстояло стать Айрес. В большинстве стран до сих пор действовали смехотворные законы, делавшие женщин последними кандидатами на корону, и, женившись на иностранной принцессе, её брат Зайлер едва ли смог бы пробиться к трону. Зато, всучив дочь наследнику заморского престола, Дэлэр Тибель мог быть уве-

рен, что однажды его крошка Айрес станет королевой; а там ей, с её интеллектом, образованием и характером, не составит труда вертеть мужем и добиваться самых выгодных условий для родного Керфи, где к тому времени воцарится другой Тибель.

Айрес, правда, узнала об этом далеко не сразу. Она-то росла в убеждении, что им с братом предстоит честное соревнование за право наследия, и искренне старалась его выиграть: отец решил, что всё же не стоит растить старшую дочь подстилкой, которой она являлась по сути. Нет, маленькая Айри должна стать умной и волевой, чтобы править чужой страной из тени за тронном, а не раствориться в роли примерной жены – эту долю оставили Инлес...

Айрес снова взглянула на золотой лист, и улыбка алым призраком проявилась на её губах.

...тот визит риджийцев был недолгим. Гордые державы вроде Нотэйла в союзе с Керфи оказались не заинтересованы, зато Риджия – очень даже. Люди тогда враждовали с дроу, и пара некромантов, прибывших ко двору в свите керфианской принцессы, могла изменить ход этой войны. К моменту, когда Лиларий Сигюр, принц людского королевства, прибыл в их дворец, Айрес точно знала, зачем люди из-за гор явились к их двору – чтобы увезти её с собой в дикую страну, что равняла женщин с постельными грелками и раздиралась изнутри трёхсотлетней войной. Отец известил её о предстоящем сватовстве задолго до этого – тогда же, когда

подарил старшей дочери «Брачную мудрость». Её мнение на этот счёт никого не интересовало, и хочет ли она оставить свой дом, её не спросили.

Айрес за свою жизнь редко плакала, но в тот день она рыдала навзрыд. От осознания, что отец, исправно хваливший дочь за характер истинной королевы, никогда и не думал рассматривать её на роль королевы Керфи.

Айрес пересчитывала прожилки, разбегавшиеся по тонкой листовой пластинке, будто вырезанной из янтаря.

Риджийцы явились, чтобы в обмен на этот лист и другие дары, куда более щедрые, забрать керфианскую принцессу. Они не учли, что у принцессы были иные планы на собственное будущее, и она начала воплощать эти планы в день, когда доложила отцу, что парочка риджийцев с туманной целью пробралась в его кабинет. Копии документов государственной важности, своевременно подброшенные в покои иноземных гостей, помогли тем покинуть дворец в тот же день – ославленными шпионами, ублюдками, варварами, неспособными усвоить даже законы гостеприимства. Годы спустя Айрес доложили, что Лиларий Сигюр так остро переживал то унижение, что планирует вернуться в Керфи – в союзе с дроу, во главе атакующей армии.

Жнец срезал его колос раньше.

Забавно всё же, что совсем скоро порог её дворца переступит его дочь – незадолго до того, как Айрес всё же отправится в Риджию...

Она посмотрела на полку чуть ниже, где в другой коробке за стеклом покоился костяной мышонок (пятилетний Уэрт преподнёс ей собственноручно оживлённый мышиный скелетик на давнишний день рождения, и с месяц он немало забавлял Айрес, бегая по её столу), а рядом мерцал рубином золотой гребень, подаренный Инлес. Ещё ниже щерилась розовыми шипами ракушка, что они с Кейлом когда-то подобрали на берегу Айденского озера.

...Айрес с ранних лет привыкла никому не доверять: родители не поленились предупредить, что многие будут искать её внимания и расположения, чтобы воспользоваться ими ради личной выгоды. Поэтому Айрес не могла всерьёз принимать ухаживания тех, кто крутился вокруг неё роем ос, почуявших сладкое (она даже уступила некоторым, лишь чтобы убедиться, что постель – переоцененный источник удовольствия). Сестра для неё была любимой хрупкой куклой, но не товарищем, которому можно поверить сердечные тайны. С братом они соревновались, но не дружили.

Зато она доверяла Кейлу. Он был ей не конкурент – с одной стороны, и не смотрел на неё с тем невыносимым лёгким снисхождением, что она видела в глазах родного брата, – с другой (лишь много позже Айрес поняла, что Зайлер в отличие от неё давно знал, кому на самом деле суждено занять керфианский трон, а кому – быть проданным на чужбину). То, что отец Кейла спал и видел сына на троне, не имело никакого значения: у самого Кейла не было ни способно-

стей, ни желания лезть в политику, и он с детства принял, что Айрес – сильнее, умнее, лучше его. Поэтому он охотно согласился на роль её тени, товарища по играм и шалостям, единственного, кому она могла раскрыть все тонкости очередной задумки, и благодарного зрителя, способного оценить эти тонкости по достоинству. Она придумывала планы, тогда ещё вполне невинные, а Кейл помогал с воплощением; Дар от Жнеца у него был слабенький, но Айрес и ему находила применение. Вспомнить хотя бы, как Зайлер с визгом выбежал из спальни, когда к нему в постель среди ночи вспрыгнул издохший отцовский пёс, пока Айри с Кейлом сгибались от смеха, притаившись за углом. Они на пару пили фейр и получали выговоры от венценосного дедушки, тайком выбирались на прогулки по городу и бегали по водам Айденского озера навстречу закату, и Айри только радовалось, что они слишком непохожи, чтобы Кейл из брата, друга, верного пажа мог превратиться в соперника...

До того самого вечера.

Айрес опустила взгляд туда, где названия книг на полке закрывал шестиугольный бронзовый фонарь с ажурными стенками. Маленький, не больше ладони. Сувенирная копия тех, что освещали улицы Лигитрина, куда юный Кейлус отправился, чтобы учиться в консерватории, а юная Айрес, спустя несколько месяцев, – навестить кузена и развеять невесёлые мысли.

«...я решил не возвращаться домой», – сказал ей Кейлус

тем злосчастливым вечером. Семнадцать лет, локоны до плеч, гладкое юное лицо – почти копия Уэрта сейчас.

Они сидели на набережной реки Солв, одной из множества речушек и каналов, превращавших Лигитрин в огромный витраж: пёстрые стёклышки округов в серебристом водном переплёте, объединявшем их в столицу Нотэйла, культурного центра мира. Айри и Кейл спустились к воде по гранитной лестнице-причалу, которые тут встречались на каждом углу, и сели на широкой ступеньке – последней из тех, что не уходили в прозрачную гладь, тихо лизавшую серый камень. Там Айри скинула шёлковые туфли, стянула чулки (при Кейле она мало чего стеснялась) и опустила усталые ступни в прохладную воду: они целый день бродили по городу, ведь Кейл вознамерился показать сестре все места Лигитрина, которые успел открыть и полюбить за три с половиной месяца. Они гуляли по садам, распускившим цветы и приодевшимся в яркую весеннюю зелень, смотрели на фонтаны, вздымавшие пенные струи над мраморными статуями чужеземных героев, и блуждали по узким улочкам, освещённым бронзовыми фонарями. Время от времени они находили уют в очередной маленькой таверне, откуда выходили сытыми и чуточку пьянее, чем до того, а потом двигались дальше, и Кейл рассказывал, кто жил вон в том особняке, погребён в этом храме, сочинял под той крышей...

Лигитрин был прекрасен, как изысканная музыкальная шкатулка. И всё же Айрес никогда не променяла бы родной

Айден на этот город, пахнувший жасмином и водной свежестью. Между Керфи и чем-либо ещё она всегда выбирала Керфи.

«Что ты имеешь в виду?» – спросила Айрес. Тоже семнадцать лет, волосы острижены до подбородка по последней керфианской моде, щёки, покрасневшие от хмеля и быстрой ходьбы, ещё по-детски припухлые.

Они сидели и смотрели, как темнеет багровое небо за крышами на том берегу, и ели сливочный лёд с сиропом из розовых лепестков, капли которого ползли к пальцам по хрустящему вафельному рожку. Айри с малых лет была сладкожкой, и Кейл, к сладостям куда более равнодушный, присмотрел в Лигитрине несколько кондитерских специально для неё.

Айрес до сих пор помнила этот вкус. В Керфи такого мороженого не делают; сейчас она могла получить любую сладость мира, если бы только пожелала, и, конечно, к её столу доставляли знаменитое лигитринское мороженое... Но вкус оказался уже не тем. То был вкус её семнадцати, вкус детства, вкус дней, когда она ещё верила, что в этом мире есть люди, для которых она всегда будет превыше всего.

«Здесь я дышу полной грудью, Айри. Вдали от отца. – Кейл смотрел на отражения фонарей – зыбкие сияющие призраки, плывущие по речной воде. – Вдали от обязанностей его наследника и одного из претендентов на трон, заberi демоны эти обязанности тысячу раз».

Он улыбался такой шальной довольной улыбкой, какую Айрес редко видела у него дома. С тех пор как умерла его мать, точно нет. Покойная Киннес Тибель души не чаяла в сыне, и любовь к музыке Кейл унаследовал от неё. Маленькими Айри и Кейл часто сидели в Золотой гостиной его дома, стараясь не шуметь, пока лиора Тибель играла на клаустуре очередную пьеску – покороче и попроще, чтобы не утомлять детей. Честно говоря, на Айрес и это наводило зевоту: ей недоступна была прелесть музыки, не предназначенной для танцев. Но Кейл слушал мать с такими сияющими глазами, что у Айри не хватило духу хотя бы раз признать, что ей скучно.

«Дядя ведь отпустил тебя в Лигитрин, – напомнила Айрес, прежде чем разбавить музыку города – хмельные голоса, плеск вёсел, грохот колёс по мостовой – хрустом надкушенной вафли и бульканьем, с каким её босые ноги взболтнули воду у подножия лестницы. – Я думала, на этом он оставил попытки выковать из тебя второго себя».

«Отпустил, потому что такова была предсмертная воля мамы, а нарушить слово, данное мёртвому, значит навлечь гнев Жнеца. Ему нужен был сын, который смог бы добиться того, чего так и не сумел добиться он, который смог бы побороться за власть и получить корону. Не сын, которому искусство интереснее политики. Он никогда не оставит попыток сделать меня таким, каким, по его мнению, должен быть истинный Тибель, никогда не простит, что

я вырос иным. – Прогулки, закат и молодое амелье сделали Кейла таким умиротворённым, что он даже об этом говорил с безмятежным спокойствием. – *Поэтому я решил не возвращаться домой».*

Сперва Айрес решила, что он не хочет возвращаться в Керфи на грядущие летние каникулы – короткие, в отличие от осенних, длившихся целый месяц. И почти не огорчилась. В конце концов, они с Кейлом расстанутся всего за пару недель до этих каникул, а сейчас по рукам и ногам её растекалось восхитительное тепло (тогда она совсем не умела пить), и мерзкий узел, затянувшийся в груди незадолго до того, как её корабль отчалил к берегам Нотэйла, ослаб. Ей было так хорошо, как редко бывало – особенно после того разговора с отцом, где ей объявили, что она станет женой дикаря из-за гор.

О грядущем браке и предательстве отца она поведала Кейлу прямо в день приезда. Ничем иным, кроме как предательством, она это счесть не могла. Тогда она снова заплакала, с солью чувствуя на губах вкус унижения и разбитых надежд.

С тех пор Кейл делал всё, чтобы ей не хотелось плакать.

«Ты и так Тибель. Просто у дяди неверные представления о том, что такое быть Тибелем. Потому дедушка и выбрал наследником не его, – добавила Айрес мгновение спустя, слизнув с вафельного рожка каплю, готовую испачкать ей ладонь. – *Что ж, думаю, летом здесь и правда чудесно... Может, даже лучше, чем в Керфи. Прохладнее. Свежее. –*

Тут она покривила душой: Айрес ни на что не променяла бы их привычные купания в Айденском озере. – *Главное, что осенью ты заставишь визит риджийцев. У меня есть пара идей, как сделать этот визит незабываемым, и я надеюсь, что ты оценишь их по...».*

«Ты не поняла, Айри. Я не вернусь в Керфи. Вообще».

Она и сейчас помнила, как подняла глаза, увидев его счастливое лицо на фоне гранитных ступеней, реки, закатной набережной, где неторопливо шли люди, понятия не имевшие, что рядом с ними сидят королевская дочь и королевский племянник. В Лигитрине никто никуда не торопился: видимо, сказывалось то, что он располагался южнее, а Айрес давно заметила, что южане не любят спешки.

«Я откладывал деньги, – продолжил Кейл, отвечая на её ошеломлённое молчание. – Те, что присылал мне отец. Почти все. Покои, в которых я живу сейчас, оплатили до осени. Когда сменю их на комнату поскромнее, сбережений хватит на то, чтобы прожить в ней год. На хлеб и воду я зарабатую».

«Игрой по кабакам? – презрительно фыркнула Айрес, сбросив оцепенение. – Хочешь сказать, после той жизни, к которой ты привык, ты сможешь прозябать на хлебе и воде?»

«Ещё на амелье. Оно здесь даже дешёвое вполне приличное, как ты могла убедиться. – Его улыбка погасла, когда он понял, что сестре не до шуток. – Мне удавалось неплохо

урезать расходы... До того, как приехала ты. Решил, что напоследок можно и кутнуть. Всё равно до осени отец ничего не заподозрит – мы с ним уговорились, что на лето я останусь тут. Стало быть, до того времени деньги мне ещё вышлют. Но я лучше буду прозябать на хлебе и воде, чем вернусь под его крышу, Айри».

Она продолжала изучать непонимающим взглядом его лицо: слышать такое от Кейла, которого она привыкла видеть в шелках и бархате, за столами, к которым подавали по меньшей мере пять перемен блюд, было абсолютно дико.

«Я понимаю, что вы с дядей... с твоим отцом... не ладите. Но, Кейл, ты всё-таки Тибель, – она заговорила осторожно и ласково, словно увещевала больного ребёнка. С её точки зрения, так и было, пусть она и родилась месяцем раньше. – Однажды ты унаследуешь всё, чем владеет он, и займёшь положенное тебе место при дворе, и...»

«Да к демонам это место! Мне плевать, кто и что мне положил, если это место – не моё!»

«Но это место рядом со мной».

Она сказала это куда тише, чем хотела.

В его чертах закатной тенью проявилась растерянность, – и осознание прошило ей грудь тупой болью, вогнав в сердце иглу безнадёжности.

Кейл не думал об этом. Даже не задумывался.

«Мы будем видеться, – кажется, он искренне не понимал, в чём причина её огорчения. Огорчение – так Айрес легче

было наречь то, что она почувствовала. – *Я буду приезжать. Ты будешь приезжать».*

«Как часто? Раз в год? В два? Как тебе позволят учёба и попытки заработать на чёрствый хлеб, а мне – обязательства перед нашим родом, о которых я не могу забыть так же легко, как ты?»

Он промолчал. Отвернулся, словно собрался пересчитать алые черепицы на крышах, кажется, впервые всерьёз взвешивая, что и кого он оставит в Керфи вместе с опостылевшим отцом. Мимо проплыла лодка, разбив отражения фонарей на горсть золотистых бликов, скачущих по волнам просыпанными монетами; Айрес смотрела на них, чувствуя, как липкая холодная сладость течёт по пальцам.

Вода, обнимавшая её ноги, враз стала ледяной.

В её мыслях Кейл всегда был рядом. В день, когда она восходит на трон. В дни её правления. Но для него это ничего не значило. Ему было всё равно. В решении задачи, сложенной его жизнью, Айрес оказалась переменной, которую он не собирался учитывать.

Отец, видимо, тоже думал так. Что Айри будет приезжать – раз в год. Или в два. С очередной дипломатической миссией. А в перерыве рожать своему риджийцу детей, улыбаться и обвивать его шёлковыми нитями интриг, добиваться уступок для брата и отчитываться по магическому кристаллу, что всё идёт точно по плану; чужому плану, придуманному ещё прежде, чем Айрес уяснила значение слова «план»...

«Не делай этого, Кейл, – всё-таки сказала она. – У меня нет никого, кроме тебя».

Каждое слово давалось тяжело, словно Айрес пыталась поднять ими гранитную плиту, на которой лежали её туфли, разбросав по серости светлые шёлковые ленты.

Айрес Тибель не привыкла молить. И с тех пор не молила. Никого. Никогда.

«Музыка будет у тебя и дома», – произнесла она, не дождавшись ответа, всё ещё на что-то надеясь.

«Зато свободы не будет. – Помолчав, Кейл очень тихо добавил: – И любви».

Она прикрыла глаза, позволяя своим надеждам рассыпаться так же, как только что на её глазах разбивались водные фонари.

Так вот в чём всё дело. Конечно.

«Я чувствую... может, это лишь пустые тревоги, но мне кажется, что, если я не сделаю это сейчас, не сделаю уже никогда. Буду пойман и заперт там, где я больше быть не хочу. – Кейл накрыл рукой её свободную ладонь, лежавшую на многослойной бархатной юбке. – Ты сильная. Ты всегда была сильнее меня. Ты справишься с риджийцами одна, я знаю. А я с удовольствием послушаю твой рассказ об этом представлении после того, как ты с блеском его завершишь».

Наверное, он и правда безоговорочно в неё верил. Как всегда. Но тогда её это мало утешило.

Скользнув пальцами по стынувшему граниту, чтобы разорвать соприкосновение их рук, Айри кинула растаявшее мороженое в реку: оно утонуло в жидком золоте, возмущёнными кругами расколов фонари на части. Наклонилась вперёд, так, чтобы Кейл не видел её лица.

Для него это был вопрос решённый. Свобода и глупые прихоти – дороже долга. Потакание наивным ребяческим желаниям – дороже родины. Любовь, обретённая на чужбине за три с половиной месяца, что он здесь провёл, – дороже сестры, с которой они росли с пелёнок.

Она думала, что их различия помогут им остаться на одной стороне, но в конечном счёте они всё же оказались *слишком* разными.

«Ты можешь сбежать от всего этого. Как и я, – сказал Кейл, пока Айри методично смывала с пальцев розовые и сливочные потёки. – От риджийцев. От обязательств перед родом».

«Я Тибель, Кейл. Я всегда буду Тибель. В первую очередь. – Вынув ноги из воды, она обтёрла их нижней юбкой; натянула чулки и туфли, принялась оплетать шёлковыми лентами икры, чтобы завязать их аккуратным бантом под коленом. Вода, замершая у подножия лестницы, отражала абсолютный, мертвенный покой, поднявшийся и захлестнувший всё, что минуты назад горело в душе Айрес Тибель, королевской дочери. – И я слишком люблю свой дом».

...в тот день Айрес решила, что больше никто и никогда

не причинит ей боль. Ту, к которой она не будет готова, во всяком случае. Это оказалось нелегко и требовало железной воли – чтобы обуздать такую бесполезную, непозволительную отныне вещь, как собственные чувства. Но недостатка в воле у неё не было даже в семнадцать.

Спасибо отцу. Хоть в чём-то он оказался прав.

Повернувшись ко входу в кабинет, Айрес тронула цветок лилии, душистой головкой кивнувший в ответ.

Она по-прежнему считала, что не мстила Кейлу, когда рассказывала его отцу секреты, что он предпочёл бы утаить. Она уберегла его от судьбы, полной лишений, к которой он, мальчик из королевского рода, с детства окружённый роскошью, не был готов. Она помогла ему (так же, как помогли ей) расстаться с детскими иллюзиями, что жизнь – сказка, которая сама как-нибудь обретёт счастливый конец, и что собственное благополучие не надо выгрызать у других из горла. В конечном счёте её стараниями он стал сильнее, вступил во взрослую жизнь и остался там, где ему и место: у подножия её трона. Истинным Тибелем, готовым побороться за корону.

Наконец понявшим, что победа превыше всего.

Она по-прежнему считала, что ни о чём не жалеет. Пусть даже Кейл с тех пор возомнил, что она желает уничтожить его – и, естественно, был неправ: Айри дорожила им настолько, чтобы закрывать глаза на многое, не сходявшее с рук никому (попробовал бы кто-то другой покуситься на жизнь

Уэрта хоть раз). Пусть даже Кейл возненавидел сестру за то, что та отобрала у него смысл жизни. Ведь он обрёл новый: после смерти отца Кейлус Тибель мог бы бросить всё, наконец сделать то, о чём так мечтал глупым мальчишкой – и не сделал. Слишком увлёкся другой мечтой – о мести.

Ненависть часто привязывает крепче любви. Айрес в этом убедилась.

Белые лепестки ещё подрагивали под пальцами, когда в дверь кабинета коротко постучали.

– Войдите, – велела Айрес тирин Тибель.

Глава Охраны скользнул внутрь чёрной гадюкой. Даже не скользнул, а втёк, плавно и неслышно, словно ноги его не касались дощатого пола.

– Ваше Величество, – поклон был коротким и отрывистым. – Любопытные известия о ваших племянниках.

– Что случилось?

– Тир Гербеуэрт вызвал лиэра Миракла на дуэль.

Айрес воззрилась на бесстрастное лицо напротив. Затем на рунный круг, выжженный на полу.

...она по-прежнему считала, что Уэрту необходимо усвоить тот же урок, что в своё время пришлось усвоить ей. По многим причинам.

Главное, чтобы это тоже не ударило по ней рикошетом, который – в отличие от очень, очень многого – она не планировала.

– Кажется, – сказала Айрес, пока в вазе на её столе мед-

ленно умирали лилии, – скоро нам с Уэртом предстоит серьёзный разговор.

Глава 6

Terraced dynamics⁹

⁹ Внезапные смены динамического уровня, типичные для музыки барокко (муз.).

Служанка заглянула в комнату с алтарём, когда Ева напряжённо размышляла над тем, что же делать. Даже постучалась, прежде чем войти: та ещё насмешка над Евиным положением.

– Господин велел проводить вас в отведённые вам покои, лиоретта, – мелодично доложила девушка в простеньком платье зелёной шерсти.

Ева, которая готовилась к возвращению Кейлуса, удивлённо взглянула на пришлицу – почему-то она была уверена, что хозяин дома сохранит её прибытие в тайне даже от слуг. Помедлив, всё же прошла в любезно распахнутую дверь.

– Как тебя зовут? – вышагивая мимо ваз с цветами, пестревших на туалетных столиках, осторожно поинтересовалась Ева у девушки, которая шла впереди.

– Юми, лиоретта, – на удивление охотно откликнулась та, на миг оглянувшись.

Она была рыженькая, конопатая. Не старше двадцати. На диво добродушная для прислуги человека вроде лиэра Кейлуса – по крайней мере, на вид.

– А я Ева. Правда, мой... друг называл меня скорее Йева, но иномирные имена непросто выговаривать. – Ева понадеялась, что её тяжёлый вздох вышел не слишком театральным: в конце концов, переживания, на тему которых она собиралась излить душу, были совершенно искренними. – Он, наверное, сейчас с ума сходит... Во всяком случае, я поти-

хоньку схожу.

Если служанка и заинтересовалась чужими любовными перипетиями и трагедией разлучённых влюблённых, должной тронуть нежное девичье сердце, то ничем этого не выдала.

– Если ты не знаешь, Юми, меня держат здесь силой, – решив рискнуть, продолжила Ева так мягко, как могла. Надежда на то, что ей удастся разжалобить новую знакомую и обзавестись союзницей, была слабой, но попытка не пытка. – Меня похитили. Разлучили с тем, кого я люблю. Я ваша пленница. Не думаю, что тебе нравится помогать своему господину...

– Господин Кейлус не велел мне обсуждать с вами что-либо, – перебив её, откликнулась девушка учтиво и непрекаемо.

– Послушай, ты же не...

– Ваша комната, лиоретта. – Толкнув одну из дверей в стене, распускаяшей белые цветы по бежу шёлковых обоев, служанка склонилась в поклоне, предлагая гостье переступить порог. – Если желаете переодеться к ужину, я помогу вам. В противном случае позвольте удалиться.

Глядя на её лицо с опущенными глазками, за покорностью прятавшее стальной барьер, Ева безнадёжно качнула головой:

– Нет. Не желаю.

Оставшись в одиночестве (Юми пообещала вернуться,

дабы проводить её в столовую), она заперлась на ключ, любезно оставленный в замочной скважине. Пнула резные стенки гардероба, гостеприимно распахнувшего дверцы напротив камина. Яростно расшвыряла подушки с постели, золотившейся парчовым покрывалом среди комнаты в нежных кремовых тонах.

Замерев у окна, прикрыла глаза, вспоминая рапиру, оставленную в спальне замка Рейолей.

...«ты можешь призвать её к себе, где бы ты ни была»...

– Люче, – прошептала Ева.

Тёплая кожа ножен огладила пальцы миг спустя.

С облегчением посмотрев на клинок, Ева перекинула ремень через плечо, разом почувствовав себя защищённой. Рапира казалась приветом из оставшегося вдали замка, приветившего её в этом недружелюбном мире: будто её прислал Герберт, велел держаться и скорее возвращаться к нему. Кроме того, теперь она вооружена и (Ева очень на это надеялась) опасна.

Чары гномов, неведомые и недоступные людям, вполне могли оказаться сильнее чар, державших её в плену.

Впрочем, сразу обнажать клинок Ева не стала. В конце концов, у неё осталось всего две попытки, чтобы им воспользоваться, и одну из них следовало приберечь для представления «Избранная воплощает пророчество» (при всём уважении к злодейским способностям лиэра Кейлуса, на обещанное Лоурэн чудище он никак не тянул). Так что сперва

она попробовала освободиться мирным путём. К примеру, вылезти в окно, за которым тремя этажами ниже расстился заснеженный сад.

Оконные створки охотно распахнулись, позволив выглянуть наружу и обозреть старинный особняк с острыми башенками по углам, окружённый просторным садом и стеной хвойного леса. Выхода Ева не заметила: лишь извилистый льдистый пруд, поросший ивами по берегу. Видно, окно открывалось на задний двор. Зато этажом ниже маняще белел перилами балкон... Да только, попытавшись перелезть через подоконник, Ева застыла перед ним, не в силах шевельнуть и пальцем.

Она повторила эксперимент трижды, неизменно получая один и тот же результат, решила, что пытаться дальше – значит вплотную приблизиться к безумию, и подумала, что стоит двинуться в противоположном направлении.

Дверь комнаты спокойно открылась, выпустив гостью в коридор, где не было ни охраны, ни кого-либо еще. Пробежав мимо ваз и картин на стенах, неся за спиной ножны, видимые только ей, Ева вышла на лестницу в противоположном конце от венчавшего коридор тупика. Следующее ограничение сработало, когда она спустилась на первый этаж, прошла сквозь просторный зал с дверьми по обеим сторонам и попыталась выйти в арку, соединявшую зал с чем-то вроде картинной галереи. Стало быть, проход в другое крыло ей и правда заказан... А выход из дома, похоже, располагался

именно там.

Плохо.

Рискнув ткнуться в незапертые комнаты, Ева обнаружила столовую и бальную залу – неизменно пустые, создававшие ощущение, что в доме, кроме неё, обитают разве что призраки. Попытки вылезти из окон пониже снова не увенчались успехом. Кричать «помогите» на весь пустующий сад Ева не рискнула: вряд ли её призыв мог услышать кто-то, кто захочет помочь, не задавая при этом лишних вопросов.

Ей не соврали. Браслет и правда держал её взаперти лучше, чем любые охранники. Лучше даже, чем давнишние приказы Герберта: их при желании можно было оспорить, но браслету было плевать на самую изощрённую софистику. Поэтому Ева вернулась в отведённые ей покои – и, больше не колеблясь, выдернула из-за спины рапиру, светившуюся зачарованным лезвием.

Сперва она попробовала клинком разбить браслет. Если бы волшебное оружие не управляло Евиными движениями, всё наверняка закончилось бы её отрезанной кистью, но поскольку гномы своё дело знали, усилия просто не увенчались успехом. Зато нападение на одно из платьев из гардероба принесло плоды: рукоять привычно потянула за собой руку, и лезвие десятком ловких движений изорвало белый бархат в ошмётки. Вскочить на подоконник, чтобы атаковать раму предварительно открытого окна, на сей раз тоже далось без труда: Ева застыла, лишь когда нацелила рапиру на балкон,

расположенный наискось. И хорошо – без левитации достать дотуда всё равно было бы непросто.

Может, и получится, думала она, собирая с ковра обрывки светлой ткани. Один ментальный контроль против другого ментального контроля.

Если обездвиживающие чары браслета запоздают хоть на пару секунд, если сработают, когда лезвие уже достигнет цели...

– Да уж, попала ты в передрагу.

Ева почти обрадовалась, когда, обернувшись, увидела на кровати Мэта.

– Так и знала, что ты даже сюда пролезешь, – буркнула она, скрывая облегчение.

– Да брось. Разве ты мне не рада? – демон весело наблюдал, как Ева запихивает изрезанную ткань в подушки, пряча следы своих экспериментов в шёлковых наволочках. – Вижу, ты настроена воинственно.

– Ничего другого не остаётся.

Стоило бы, конечно, придержать рапиру в ножнах до момента, когда лиэр Кейлус не решит вновь поболтать с дорогой пленницей. Чтобы атака точно вышла неожиданной. Но без браслета на кисти всё было бы намного проще, и не попытаться избавиться от него Ева не могла. Значит, придётся просто выбрать для нападения подходящий момент... например, когда её тюремщик будет мирно спать.

Всё равно до того, как клинок должен вернуться в ножны,

у неё остаются ещё целые сутки.

– Даже если ты сможешь убить гостеприимного дядюшку, что дальше? Да, чары на браслете могут рассеяться с его смертью. А могут и не рассеяться. Особенно если браслет зачаровывал не он.

– Как только он умрёт, всё станет проще. Герберту уже никто не будет угрожать. – Ева завернула Люче в длинный лоскут, оставшийся от юбки. Вскарабкавшись на постель рядом с Мэтом, который вежливо подвинулся, сунула рапиру и ножны между матрасом и изголовьем, набросав сверху подушки. – Ладно, на самом деле ему будет угрожать много кто... и что... но только не Кейлус. А там он придумает что-нибудь, чтобы вытащить меня отсюда.

– Каким образом?

– Не знаю. Вот ты передашь ему весточку, что его дядюшка мёртв, и он сразу меня и вытащит. Ты ведь не откажешь? Мэт рассмеялся звонко и пакостно.

– Всё может быть куда проще, – сказал он, прежде чем Ева успела спросить, как истолковывать этот смех. – Сделка – и я вытащу тебя отсюда.

Она села напротив, мрачно скрестив руки на груди:

– Я уже говорила тебе, что думаю по этому поводу. Мой ответ не изменился.

– Если ты не забыла, малыш каждые три дня обеспечивал тебе целебные процедуры в виде питательных ванн. Как думаешь, сколько ты протянешь без них? И что начнёт проис-

ходить с твоим бедным мозгом, когда он не получит подпитку?

– До следующей плановой ванны у меня как минимум два дня. Нужно всего-навсего выбраться отсюда прежде, чем они истекут.

Ева произнесла это даже более уверенно, чем сама надеялась. Да только Мэта, судя по вежливо-сомнительному изгибу его бровей, всё равно не убедила.

– Ну-ну, – прежде чем исчезнуть, изрёк он с тем же многообещающим скептицизмом, с каким, должно быть, это междометие произносил бывший регент в клетчатом пиджаке, поигрывая ложечкой в чашке с чёрным кофе.

* * *

Когда за ней вернулись, Ева без возражений проследовала за служанкой в столовую: до ночи она твёрдо решила быть паинькой.

Вытянутый зал был выполнен в приятной бело-шоколадной гамме. Длинный стол – накрыт на одного. Хозяин дома сидел во главе, но при её появлении тут же поднялся; жестом, исполненным бесконечного эстетизма, он промокнул губы белоснежной салфеткой с монограммой «*К. Т.*» и, отодвинув стул по правую руку от себя, предложил Еве сесть.

– Рад, что ты ко мне присоединилась, – с любезностью, которой трудно было ожидать от тюремщика, сказал он, когда

девушка безропотно опустилась на атласное сиденье. Вернувшись на место, вновь взялся за вилку и нож. – Предложил бы разделить трапезу, но, боюсь, в твоём прискорбном состоянии это будет скорее насмешкой.

– Боюсь, что так, – проглотив искреннее пожелание достопочтенному лиэру подавиться и немедленно скончаться в страшных муках, смиренно произнесла Ева.

Нож, отрезавший кусок от нежно-розового, умело не прожаренного мяса, замер в длинных пальцах.

– Какая покорность. С чего вдруг?

– Бывают ситуации, когда сопротивление бесполезно. Покорность разумнее.

Взгляд тёмных глаз медленно поднялся на неё.

– А ты умеешь держать себя в руках, как посмотрю, – заметил Кейлус спокойно и проницательно. – Признаться, я удивлён. – Он отложил приборы, сложив их на тарелке по всем выученным Евой правилам этикета, и взялся за бокал, где светлым гранатом краснело местное вино. – Неужели Уэрти не разжёл в твоём сердце жгучую ненависть к своему дядюшке-содомиту?

– Для этого мне рассказов не требовалось. Ваши посланцы, которые пытались нас прикончить, говорили сами за себя, – ответила Ева хладнокровно. – И меня никогда не волновало, что и с кем делают люди за закрытыми дверьми своих спален, пока всё происходит по обоюдному согласию. Но в последнем, признаться, после начала нашего знакомства я

не уверена.

На самом деле Ева готова была сказать что угодно, лишь бы её тюремщик сегодня отправился спать без опаски, и мирное поддержание беседы казалось ей уместнее угрюмого молчания. Впрочем, она понимала: чрезмерная покорность насторожит Кейлуса Тибеля не меньше, чем злость. А то и больше. Так что чуть позже можно и проявить крохотную толику того, что клокотало внутри... В разумных пределах, конечно.

За этим ужином ей наверняка предоставят не один повод для ярости.

Кейлус сделал глоток, поверх бокала изучая её лицо.

– Можешь не беспокоиться. Немногие попадали в мой дом таким же образом, как ты. Предпочитаю, чтобы мои гости не грезили моим убийством. – Глаза, не сводившие взгляда с её лица, задорно блеснули. – Что касается спальни, я просто не вижу принципиального различия между мужчинами и женщинами, по причине чего не считаю нужным выбирать себе пару исключительно из числа первых либо вторых. – Кейлус лениво поднёс бокал к губам, и Ева впервые заметила, насколько они с Гербертом похожи. – Откровенно говоря, в вопросах выбора партнёра меня куда больше волнует внутреннее, нежели внешнее, и то, что у него в голове, нежели то, что между ног.

Ева порадовалась, что не может краснеть. Во всяком случае, изучающий взгляд Кейлуса наводил на мысли, что её

провоцируют, и совершенно сознательно, желая посмотреть на реакцию и сделать выводы. И в более живом состоянии Ева могла отреагировать на подобные заявления довольно красноречиво.

Но сейчас её тюремщик не узнает о ней больше того, что ей хотелось показать.

– Весьма любопытная и, пожалуй, здравая позиция, – сдержанно произнесла она, опуская глаза.

Ответом ей было короткое насмешливое «ха». И тихий хрустальный «дзинь», с которым Кейлус Тибель щёлкнул пальцами по краю бокала.

– Так что ты решила?

– Я помогу вам. Я не буду сопротивляться. Только поклянитесь, что не тронете Уэрта, – глядя на белоснежную скатерть, откликнулась Ева, готовившаяся к этому вопросу с момента, как села за стол. – Желательно, магической клятвой.

– Я согласился бы на это лишь при условии, что ты, в свою очередь, обязуешься выполнить то, о чём я тебя прошу. Но чтобы скрепить договор магией, с тебя нужно снять браслет, после чего ты наверняка сотворишь какую-нибудь глупость, так что придётся нам верить друг другу на слово. – Краем глаза она увидела, как Кейлус Тибель склонил голову к плечу, облитому шёлком бордовой рубашки. – Откуда столь похвальное смирение?

– Я уже сказала. Иногда покорность разумнее. А вы при-

вели убедительные аргументы, почему в данном случае она будет разумнее.

Осушив бокал до дна, Кейлус выразительно приподнял его на уровень глаз; только тогда Ева заметила скелет в костюме лакея, отделившийся от стены подле камина. Ну да, Кейлус ведь тоже некромант... Пусть, кажется, и пользуется Даром куда реже Герберта.

У него наверняка и сил не так много, чтобы позволить себе целый дом неживых слуг.

– Забавно, – изрёк Кейлус, когда скелет аккуратно, не пролив ни капли, наполнил его бокал из бутылки, бликующей в отсветах ажурной медной люстры. – Я выстраивал планы на твой счёт, предполагая, что ты окажешься иной. Думал, что прикончу тебя сразу, как ты исполнишь предназначенную роль. Учитывая, что юные девочки редко склонны к благоумию, я не был уверен, что у меня хватит терпения не сделать это раньше. – Новый глоток Кейлус сделал будто бы с сожалением, следя, как скелет возвращается на место, чтобы вновь застыть экстравагантным элементом декора. – Даже обидно, что мы не встретились сразу, как ты прибыла в Керфи. Я бы не отсиживался в безопасности, пока тебя убивали... Хотя бы потому, что не мог позволить себе такую роскошь, как поднять тебя, удержав разум и душу.

Ева невольно вскинула голову:

– С чего вы...

– При всей гениальности Уэрти – сомневаюсь, что он на-

шёл тебя после того, как твоё сознание успело умереть. Даже он вряд ли мог оказаться сильнее основополагающих принципов некромантии и работы человеческого тела. А поверить, что он по чудесному совпадению обнаружил тебя ровно в минуты, отделявшие убийство от твоей окончательной смерти, довольно трудно. – Глядя на Еву, удерживающую на языке опровержения и возражения, Кейлус усмехнулся. – Думаешь, я не понимаю, на что ты рассчитываешь? Прикинуться покорной, дожидаться, пока Уэрти придёт за тобой: благородный принц, спасающий возлюбленную. И коварный злодей будет повержен, и сказка закончится тем, чем обязаны заканчиваться сказки. Но если ты и правда его полюбила, мне тебя жаль. Знаешь девиз Тибелей?

– *«Победа превыше всего»*, – вспомнив уроки Эльена, отрапортовала Ева в тихом бешенстве.

– Точно. Девиз нашей проклятой семейки. Пусть Уэрт носит имя другого рода, наша порода передалась ему вместе с кровью. – Явно забавляясь при виде злости, проступающей на её лице, Кейлус коснулся губами края бокала. – Тибелей нельзя любить. Для нас всегда есть только цель. Всё остальное – то и те, через кого можно переступить на пути к ней.

– А вас, стало быть, любить можно и нужно.

– Что ты. Я не исключение. Хоть и стараюсь быть как можно менее... тибелистым. – В том, как Кейлус взглянул на неё, возвращая бокал на стол, читалось почти сочувствие. – Для него ты всегда будешь на втором месте, кошечка. Средством

достижения цели. Средством получения трона. Он никогда не полюбит тебя... Не так, как ты хочешь и, возможно, заслуживаешь.

Еве хотелось многое сказать ему. И про Миракла, и про Обмен, и про то, что он ни черта не знает о своём племяннике и что он последний, кто имеет право его судить. Но всё это было совершенно лишним и грозило весьма неприятными последствиями; поэтому она лишь молча смотрела, как Кейлус Тибель возвращается к ужину, стынущему на фарфоровой тарелке.

Подумать только, и этому человеку она когда-то в мыслях возносила благодарности за «Трактат о музыкальных чарах»...

– Вы правда думаете, что всё будет так просто? – осведомилась Ева с издёвкой, пока тот дожёвывал последний кусок. – Что стоит заполучить меня, как Айрес волшебным образом исчезнет с престола, чтобы вы могли с комфортом устроиться на вакантном месте?

Прежде чем потянуться к салфетке, Кейлус пожал плечами:

– У меня есть свои осведомители. В самых разных кругах. Включая окружение моего племянника... *другого* племянника. Не думаю, что Миракл откажется от плана по свержению дорогой тётушки. Не думаю, что ты не сделаешь то, что напророчила тебе Лоурэн. Не думаю, что Айри сможет вам противиться. Всю грязную работу сделают за меня. – Он при-

жал к губам тонкую ткань с инициалами, золотой нитью вышитыми по белизне. – Мне останется лишь позволить вещам идти своим чередом, после чего в нужный момент скромно выйти из тени, представившись твоим законным мужем. Даже если не коронуюсь сам, вашими стараниями Айрес падёт, а народ будет в сомнениях, так ли уж законно короновать Мирка... или Уэрта. С радостью посмотрю, как дорогие племянники вцепятся друг другу в глотку.

– В нашей стране в таких случаях говорят «собака на сене», – сказала Ева, в душе злорадно хохоча над милейшим лиэром и его осведомителями, которые остались не в курсе кое-каких немаловажных обстоятельств. – Или «ни себе, ни людям».

– В нашей стране предпочитают «ни некроманту, ни земле, ни богам», но общий смысл ты уловила верно.

– Хотите сказать, вы не желаете править? Готовы довольствоваться тем, что подложили свинью другим?

Глаза Кейлуса странно блеснули, прежде чем он, отложив салфетку, поднялся из-за стола.

– Моя спальня на одном этаже с твоей. Третья дверь слева от лестницы. Гостиная, где я обычно работаю, прямо под ней, этажом ниже. Если захочешь побеседовать или попытаться разбить мне голову, думаю, ты найдёшь меня там, – вежливо поведаль он, помогая Еве отодвинуть стул. – Впрочем, как ты уже поняла, я не слишком люблю, когда меня беспокоят во время работы. Так что, если услышишь звуки

музыки, радушный приём не гарантирую. – С учтивостью истинного джентльмена ей подали руку. – Юми за дверью, она отведёт тебя обратно в спальню.

Подавив желание врезать ему по насмехающемуся лицу, Ева встала: сама, демонстративно проигнорировав предложенную ладонь. Тут же отвернувшись, двинулась к дверям из столовой.

Осенённая внезапной догадкой, задержалась у самого порога.

– Это ведь вы пустили в народ слух о пророчестве, верно? – произнесла она, сопоставив кое-какие простые факты.

Ускользающая улыбка Кейлуса послужила ей ответом.

– Буду счастлив побеседовать вновь, лиоретта, – сказал он, прощаясь элегантным сценическим поклоном. – Всегда рад вывести из себя умного человека.

* * *

– Не хочешь прочесть письма? – поинтересовался Миракл, прервав висевшее в гостиной тяжёлое молчание. – Вдруг попросят процитировать особо дорогие сердцу строки.

Герберт не ответил: сидя в соседнем кресле, он черкал что-то в книге для записей, недавно составлявшей Еве компанию во время прятков в туннеле.

– Как знаешь. – Отхлебнув из бокала рэйр, которым Эльен

решил капельку подсластить горькие события, Миракл с наигранным весельем щёлкнул пальцами по пачке писем, лежавших на столе перед ними. — Только помни, что сочинить всё это за день не слишком-то легко. Жаль, если усилия пропадут втуне.

— Прочту. Потом. — Не сводя взгляда с формул, покрывавших бумагу ломаными строчками, Герберт закусил кончик пера. — Не знаю, кто окружал дом дядюшки защитой, но она сильнее, чем я ожидал.

— Настолько, что даже ты не сможешь её взломать?

— Думаю, смогу. Подняв тревогу. Но, откровенно говоря, мне уже всё равно. — Сосредоточенность, серостью обесцвечивавшая его взгляд, не сулила Кейлусу Тибелю ничего хорошего. — Когда я войду в этот дом, живых там в любом случае не останется.

— Мёртвая Молитва? Не думаю, что это хорошая...

— Он заплатит. И все, кто ему помогает, тоже.

Мирк вздохнул. Перевёл взгляд с брата на Эльена: дворецкий вошёл в комнату, неся новую бутыль взамен опустевшей.

— Эльен, хватит, — сказал Миракл, пока призрак молча наполнял его бокал. — Я не про питьё.

Тот ловко приподнял горлышко, оборвав янтарную струю без малейших признаков неряшливых капель, и перевёл на гостя недоумённый взгляд:

— Лиэр?..

– Хватит ходить с видом, будто ты снова наблюдаешь собственные похороны.

Эльен даже не пытался замаскировать скорбь – она светила в его лице не хуже кристаллов, белыми бликами проглядывавших сквозь него.

– Это ведь моя вина, лиэр. Я должен был удержать её, я...

– Посмотрел бы я на того, кто попытается встать между нашей лиореттой и её целью. Вернее, на то, как быстро он перестанет там стоять.

– Успокойся, Эльен, – бросил Герберт сухо. – Твоей вины в этом нет.

– Господин...

– Поверь. Будь это не так, не уверен, что ты уже не был бы упокоен.

Судя по тому, как смиренно призрак склонил голову, довод подействовал.

– Есть другой вариант, – сказал Миракл, когда Эльен удалился сквозь дверь. – Дядюшка не знает, что мы заодно. Возможно, он впустит меня, и я...

– Он неохотно принимает гостей с тех самых пор, как стал единоличным владельцем дома, если ты помнишь. И не думаю, что он впустит кого-либо в свой особняк, когда есть шанс обнаружить там её.

Миракл беспомощно поболтал бокалом, признавая его правоту.

– Давай сперва отыграем завтрашнюю дуэль, Уэрт. Потом

что-нибудь придумаем. — Улыбка юноши, не слишком стареющая замаскироваться под искреннюю, вышла кривой. — Посмотри на это с положительной стороны: целых пару дней никто не будет мешать тебе заниматься делами. Снова одинокая холостяцкая жизнь, да здравствует свобода — да, ура.

— Она не мешала. — Герберт, вновь уткнувшийся в тетрадь, шутку не оценил. — У неё свои дела. Своя цель. Своя семья, свой мир... В том-то и проблема. — Взгляд его оторвался от чернильных строк, чтобы замереть на жарком узоре красного и чёрного, вытканном углями в гаснущем камине. — Даже если я верну её, даже если верну её к жизни... Рано или поздно я её потеряю.

— Успокойся. Пока никто не умеет открывать прорехи в другой мир с нашей стороны, никуда она от тебя не денется.

— Говорят, риджийские маги умеют.

— Мы не в Риджии. И ей об этом знать необязательно.

— Нет. Если она хочет вернуться домой... Если есть шанс, что это поможет ей вернуться... Я обязан ей сказать. И отправиться с ней в Риджию, чтобы узнать, правда ли это.

— Не знаю, утешит ли это тебя, но Риджия сама отправится к нам. Их делегация собирается в Керфи незадолго до Жнеца Милосердного. Думаю, смена власти их не остановит... Если всё сложится благополучно, конечно. — Перегнувшись через ручку кресла, Мирк похлопал брата по плечу так сочувственно, как мог. — Успокойся, Уэрт. Если она тебя любит, она тебя не оставит. Если не любит, значит, она того не

стоит.

Взгляд, которым Миракла наградили в ответ, выразил всё, что его обладатель думает по поводу столь примитивной оценки ситуации.

Впрочем, даже такой взгляд был лучше того, чем когда чьи-то живые глаза напоминают цветные стекляшки.

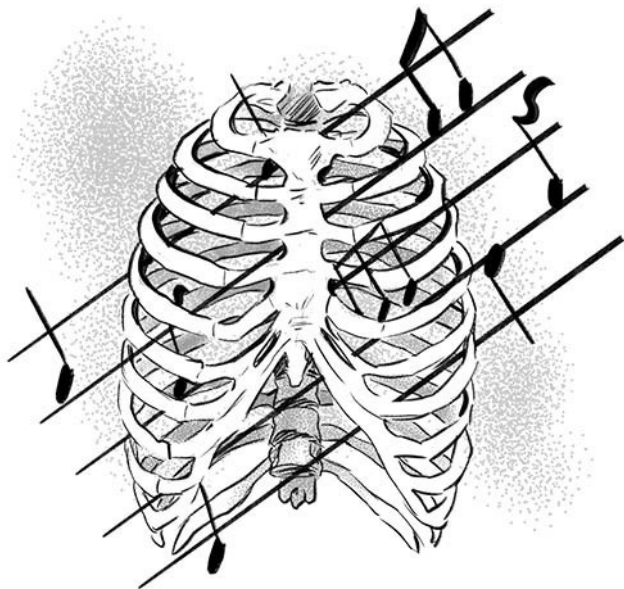
– Иногда ты всё-таки такой болван, – с усталой благодарностью проговорил Герберт некоторое время спустя, прежде чем отложить тетрадь и потянуться к письмам.

– Я расценю это как «спасибо».

¹⁰ Aria – «воздух» (*итал.*). Вокальное произведение для одного голоса с аккомпанементом, соответствующее драматическому монологу, обычно в составе оперы, оперетты, оратории или кантаты. Под арией может также подразумеваться музыкально-инструментальная пьеса певучего характера.

Глава 7

Aria¹⁰

Ева выскользнула из спальни, когда стрелки часов на камине сошлись в верхней точке циферблата, ознаменовав на-

чало нового дня.

Люче пряталась сзади, в руке, крепко прижатой к пуговицам на спине. Огненное мерцание рапиры плясало на стенах, и маскировка выходила так себе, но вернуть оружие обратно в ножны теперь, когда у Евы осталась лишь одна попытка обнажить клинок, было невозможно – только воспользоваться им. В обители Кейлуса магические кристаллы не вспыхивали сами собой, оставляя ей неуверенно пробираться сквозь мрак, и Ева впервые заподозрила, что автоматически они загорались лишь в замке Рейолей, где Герберт похимичил с «настройками».

Странно, неужели её тюремщику силёнок не хватило даже на то, чтобы устроить дома нормальное освещение? Или для него это почему-то дело принципа – прибегать к магии как можно реже?..

В покоях Кейлуса, расположение коих ей любезно открыли за ужином, никого не оказалось. Ловушки, которой она ожидала, тоже – лишь просторная комната в изумрудных тонах с широкой кроватью, изобилующая бархатом и резными завитушками, что покрывали немногочисленную мебель. Особняк вообще обставили со вкусом: даже картины на стенах притягивали взор, бликуя краской в отблесках сияющего лезвия, пока Ева кралась по тёмным коридорам. Она шла мимо моря, тянущего чёрные волны к хрупкому белому паруснику; мимо скелета, приглашающего на танец прекрасную деву; мимо серокожей королевы с янтарными глазами,

играющей на лютне в лунном свете, водопада в солнечных лучах, превративших его в радужную вуаль, и светловолосой девочки, бредущей в серебристом тумане по стеклянному лесу.

В других обстоятельствах, наверное, Ева задержалась бы у каждой. Было в них что-то, делавшее их больше, чем элементом декора, – историями в красках, мгновениями, пойманными на холсте, живыми эмоциями в резных рамах.

Сейчас ей было немного не до того.

Спускаясь по серой лестнице на второй этаж, Ева мантрой повторяла себе, что не должна колебаться. Если верить гному (а пока его слова не расходились с истиной), отобрать у неё Люче, даже если она провалится, никто не сможет. Если не провалится – спасёт и себя, и Герберта. И убийство того, кого она собиралась убить, – самозащита, не более; даже в суде такое оправдывают...

Ещё спускаясь, она услышала музыку.

Обрывки мелодий, какого-то начинающегося и постоянно прерывающегося наигрыша переливались в серой мгле, сопровождая Еву на пути к месту, где коротал эту ночь Кейлус Тибель. Сперва она решила, что в ожидании визита тот оставил гостиную открытой: когда она потянула дверь, отделявшую лестницу от коридора к жилым комнатам, фортепианный наигрыш послышался так отчётливо, словно инструмент стоял прямо за порогом. Но когда девушка скользнула в образовавшуюся щель, то увидела лишь очертания худоща-

вой фигуры, сидевшей на полу.

Тиммир Лейд слушал творимую музыку, прислонившись спиной к двустворчатым дверям. Тем самым, что нужны были Еве. Из одежды – рубашка, штаны да мягкие домашние туфли; одна нога согнута в колене, другая расслабленно лежит на ковровой дорожке. В замочной скважине рядом с его макушкой торчало что-то, похожее на ключ с круглой малахитовой рукояткой, слегка светившейся во тьме, и звуки музыки, как с удивлением поняла Ева, доносились именно из неё.

Заметив гостью, вражеский секретарь повернул голову. Щурясь – лицо его отчётливо подсвечивала рукоять ключа, – воззрился на Еву.

– Он злится, когда я подслушиваю, – как ни в чём не бывало пояснил юноша. Так просто и приветливо, точно они были старыми приятелями; негромко, но с силой, достаточной, чтобы заглушить фортепианные переборы и чужой голос, поверх них без слов мурлыкающий отрывки музыкальных фраз. – Не любит, когда слушают то, что ещё не закончено. К тому же после того, как ты поставила мне блок, я рискую свалиться с новым приступом, так что обычно Кейл заговаривает дверь. Пришлось прикупить в магической лавке вот эту штучку. – Он легонько щёлкнул пальцами по светящейся рукоятке «ключа». – Правда, сегодня он оставил дверь открытой. Думаю, ждал тебя.

Ева, совершенно сбита с толку и этой встречей, и его дру-

желюбием, подошла ближе.

– Свалиться с приступом? – непонимающе переспросила она, крепче стиснув кожаную рукоять за спиной.

– Так ты не знала? Хотя, если б знала, всё могло сложиться совсем иначе. – Юноша издал негромкий смешок. – Твой блок несовершенен. Вызывает приступы, обмороки... Особенно если пытаешься вспомнить то, что заблокировано. Один приступ случился, когда я слушал, как Кейл сочиняет. Так мы и узнали о тебе. – Он приветливо улыбнулся. – Не знаю, известно ли это тебе, но я Тим. Тиммир Лейд, секретарь Кейлуса.

– Известно. – Ева смотрела на него сверху вниз, сжигаемая досадой за все промахи, которые допустила и которые привели её сюда. – Всё-таки надо было дать Герберту тебя прикончить.

Тим лишь плечами пожал. Мол, может, и надо было, не спорю.

– Что там у тебя? – он заинтересованно кивнул на марево за Евиной спиной. – Тот самый огненный меч?

Вместо ответа она выбросила руку вперёд, устремив сияющее лезвие ему в лицо. И не знала, что служит тому причиной – то, что в действительности жизни Тиммира Лейда ничего не угрожало, то, что Кейлусу было на него плевать, или то, что Люче в самом деле оказалась сильнее чар на браслете, – но на сей раз она не застыла куклой.

– Впечатляет, – признал юноша. Судя по лицу, золотое

острие, замершее в десятке сантиметров от его глаз, действительно скорее впечатлило его, чем испугало. – Не поделишься, где такой взять? Тоже хочу.

– Если ты не боишься, зря. Не уверена, что этот ваш замечательный противомагический браслет тебя спасёт, если я соберусь тебя прикончить.

– У тебя доброе сердце. Ты пощадила меня один раз, не убьёшь и в другой.

Правдивость этого ответа почти заставила Еву скрипнуть зубами.

А ведь как просто сейчас было бы взять его в заложники... И тогда она будет ничем не лучше того, кого хочет убить. Не говоря уже о том, что Тиммир Лейд не пробуждал в её душе столько тьмы, чтобы у Евы хватило духу пронзить его сердце.

Грозить тем, чего ты никогда не сделаешь, в той же степени опасно, в какой глупо.

– Нет. Тебя не убью. – Пальцы сжали рукоять рапиры так крепко, что Ева почти слышала, как проминается под ними мягкая кожа. – Если не встанешь у меня на пути.

– Встану, если захочешь убить его. – Чуть повернув голову, Тим кивнул на двери. – Потому я и здесь. Подозревал, что ты попробуешь.

Какое-то время они молчали – сидящий юноша и девушка, грозящая ему заговоренной сталью. Вместе слушая, как волшебный ключ оглашает тёмный коридор отзвуками музыки, создаваемой за дубовыми дверьми.

– Почему ты ему служишь? – устало вымолвила Ева потом. – Ты не похож на мерзавца. И то, что ты говорил под гипнозом... – Кончик рапиры чуть опустил, так, чтобы не загораживать лицо собеседника. – Ты ведь не можешь не понимать, что он творит зло.

– Понимаю, – просто ответил Тим. – Он и сам это понимает. Но я понимаю и то, что им движет. – В голосе прорезалась печаль, словно дублируя аккорды, разливающиеся в воздухе. – В нём больше добра, чем он думает сам, и я обязан ему слишком многим, чтобы его оставить. Не говоря уже о других причинах, куда более личных. – Мажор, вдруг проглянувший за минором, лишь подчеркнул боль и горечь, звучавшие до того. – Знаешь, как я стал его секретарём?

– Не особо интересовалась, – сказала Ева, машинально вслушиваясь в то, что наигрывали за дверьми. – И, если честно, не особо интересуюсь.

За исключением отдельных оборотов, услышанное казалось скорее какофонией, нежели музыкой. Странные, неправильные гармонии аккомпанемента. Пустышки параллельных квинт, вдруг зазвучавших в среднем регистре. Напряжённая резкость тритонов и малых секунд, невнятный наигрыш, запевший в верхних октавах, партия голоса, вклинившаяся ниже будто бы не попад...

Конечно, рано судить по урывкам отдельных тактов, не слыша целого, но Ева начинала подозревать, почему сочинения Кейлуса Тибеля не находили понимания у слушателей.

– Моя матушка служила горничной в доме королевского Советника по военным делам. Мне было пятнадцать, когда её заподозрили в краже, которой она не совершала. Её избili кнутом до полусмерти и вышвырнули вон, и имели на то полное право. Спасибо ныне действующим законам, – голос Тима был таким спокойным, что Ева поняла: все переживания по этому поводу у него отболели давным-давно. – Я тогда ещё не работал. Заканчивал школу. Сбережений у нас не было никаких. А матушка умирала, и чтобы достать деньги на её лечение, я пошёл воровать. Залезал в дома, «щипал» прохожих на улицах... Неплохо поднаторел в этом деле, пока она шла на поправку. Ей говорил, что работаю по вечерам. Не врал, в принципе... В конце концов она выкарабкалась, но увечья, которые она получила в той экзекуции, были слишком серьёзные, чтобы она могла жить без лекарств. Не говоря уже о том, чтобы работать. Не говоря уже о том, что после той истории её не взяли бы ни в один приличный дом, а участи полумойки в каком-нибудь грязном притоне я ей не желал. Так что я продолжал свою «подработку», пока однажды не решил пощипать знатных господ перед оперой, а Кейлус не поймал меня за руку, когда я вытащил у него из кармана кошелёк. – Он фыркнул, словно находя в этом что-то чрезвычайно весёлое. – Так и познакомились.

– Хочешь сказать, он дал работу карманному воришке? – уточнила Ева, лишь теперь понимая, почему мальчик-секретарь так бойко лазал по стенам замка Рейолей.

– Сперва, естественно, хотел сдать страже. Но я когда представил, что отправлюсь на каторгу, а матушка одна останется... В ногах у Кейла валялся, чуть ли не сапоги лизал, умоляя простить. И в итоге выложил, почему мне на каторгу никак нельзя. Он мне велел его к себе домой отвести: возжелал на мою «больную матушку» посмотреть. Не верил сперва, понятно. – В речи, до того неотличимой от речи самого Кейлуса, всё больше проскальзывали простые интонации мальчишки из низших сословий. Видно, воспоминания о тех временах всё же были слишком живыми. – Другой бы и слушать не стал, а он отправился в наши трущобы. Развлечения ради, думаю. Но как убедился, что я не вру, попросил рассказать, как мы дошли до жизни такой. Потом расспросил, что я умею... И вместо поездки к страже предложил хорошего целителя для матушки и работу для меня.

– А в дополнение к работе, надо полагать, некоторые особые услуги, – брезгливо добавила Ева. – Никак не связанные с кражами.

В ответ на неё взглянули с такой сдержанной холодностью, что выражением лица Тима на миг напомнило ей Герберта.

– Он не брал ничего, на что я не соглашался бы сам. Наверное, если бы потребовал силой, ради матушки я бы переступил через гордость. Но не уверен. – Глаза, смотревшие на неё снизу вверх, сделались суровыми. – Он спас меня. Как почти всех в этом доме. Взамен не требуя ничего, кроме преданности.

– Что значит «всех в этом доме»?

– Почти, – повторил Тим. – Юмилия... та горничная, что прислуживает тебе... её родители умерли в рудниках. Владе-ли отличной сетью лекарственных лавок, но слишком гром-ко выражали недовольство методами её величества. Юми от-пустили, да только всё имущество семьи конфисковали, а от дочери «неудобных» все шарахались, как от заразной. По-том Юми замолвила словечко за нашу экономку – та рабо-тала на её родителей, бежала из дому, когда за ней пришли из Охраны... Повар отсидел пару месяцев в подвалах Кмит-сверской тюрьмы – служил одному генералу из аристокра-тов, там и сгинувшему, а всех слуг арестовали вместе с хозя-ином... Ещё с нами живёт пара ренегатов из Охраны. Не вы-держали прелестей своей работы, а уволиться оттуда по при-чине того, что не хочешь пытать людей, – только ногами впе-рёд. Теперь они охраняют Кейла – не на публике, естествен-но. Но спасибо им и за твой браслет, и за защиту нашего дома. – Юноша следил за её лицом – внешне расслабленно, однако взгляд оставался цепким. – Почти за каждым – исто-рия, в результате которой он стал вне закона. Или пострадал от него. Кто-то, как Юми, при других обстоятельствах жил бы лучшей жизнью, чем жизнь горничной, а кто-то – много худшей. И это в любом случае слаще тюремных застенок, смерти на рудниках или прозябания в трущобах.

Благородный лиэр Кейлус Тибель, защитник униженных и оскорблённых? Смешно.

– Ты лжёшь. Просто хочешь, чтобы я прониклась твоим прекрасным господином. Чтобы играла на вашей стороне.

Тим улыбнулся с таким снисхождением, будто к нему подошла пятилетняя сестрёнка и попросила выгнать чудище из-под кровати. Хотя, возможно, в этом мире чудища под кроватями были куда более реальными, чем Ева привыкла.

– Я понимаю, как тебе хочется верить, что он порождение зла. И всё же, надеюсь, вскоре ты откроешь глаза достаточно широко, чтобы увидеть – это не так.

– И зачем это ему? – скептицизмом в Евином голосе можно было бы крошить лёд.

– Он говорит, это его хобби. Коллекционировать в своём доме тех, кто, так или иначе, пострадал от его сестрицы. Мол, ценит хороших слуг, и сентиментальность тут ни при чём, а в конечном счёте, все они для него ничего не значат... Кроме меня. – То, как Тим качнул головой, ясно выразило вежливое сомнение в данном постулате. Вовсе не на свой счёт. – В одном он прав: из нас действительно вышли хорошие слуги. Мы все обязаны ему жизнью или большим, чем жизнь. Этим он купил нашу верность надёжнее, чем её могли бы купить любые деньги... или страх. Жаль только, он спас единицы, ведь я знаю, сколько ещё остаётся несчастных. Сколько громко проклинают имя Айрес в трущобах или тихо – в особняках. Сколько лишились родных и друзей и бездействуют лишь потому, что боятся подставить оставшихся... – Он прислушался к тишине, воцарившейся в кори-

доре, отражавшей молчание инструмента в гостиной. – Похоже, закончил.

– Я тебе не ве...

– Помолчи пару минут, хорошо? В конце он обычно играет то, что получилось. – В словах снова прорезалась усталость: так взрослый просит ребёнка не рисовать фломастером на бумагах с работой, на которую он потратил последний месяц. – Потом можем продолжить, но сейчас я хочу слушать... Думаю, тебе это тоже должно быть интересно. Если, конечно, ты действительно музыкант.

Уняв язвительность, Ева устремила взгляд на светящийся ключ, желчно выжидая, когда оттуда снова польётся то, что Кейлус Тибель считал музыкой.

Вначале в хрупком, трогательном фа-диез миноре зазвучало вступление: кружево высоких триольных переборов, сплетённое светом, одиночеством и трепетной болью живого сердца. Их переливы спустились вниз обречённым вздохом, воспарили обратно к верхним регистрам робкой надеждой на счастье и, истаяв на вопросительной паузе, зазвучали вновь уже в басах, чтобы над ними – ритмом рваным и болезненным, как чьё-то сбивчивое дыхание – Кейлус запел мелодию своего нового романса.

*Ты знаешь два пути – я знаю третий,
Путь, озарённый пламенем пожаров,
По волоску над бездной – в полусвете
Звезды во мгле и лезвия кинжала...*

Ева застыла, не видя того, на что смотрит, не веря тому, что слышит. Забыв, где она, забыв, кто играет и поёт за запертыми дверьми, забывая саму себя.

Она не знала, насколько точен перевод, обеспеченный чарами. Не знала, что благодарить за этот перевод, сохранивший красоту рифмы и ритма, – магию или собственное сознание. Но то, что она слышала, завораживало, и всё, что так странно воспринималось разобранном на части, соединилось чарующе органичным целым. Резкость созвучий, прихотливость интонаций, причудливость гармонизации и модуляций – то, что прежде казалось неправильным, теперь слышалось единственно верным. В музыке, сплетённой с пением нерушимой ажурной вязью, далёкое мешалось с близким, понятное – с непостижимым, зов – с предупреждением, насмешка – с мольбой, страсть – с печальной отстранённостью прощания; и этот голос, голос ангела за миг до падения...

Так мог бы петь Люцифер, в последний раз оглядывая рай перед изгнанием.

*Мой путь отмечен выжженной травой,
Но я смеюсь – кому по нраву стоны?
Ты не найдёшь меня среди героев.
И среди павших. И среди влюблённых.
Я странник Между. Эхо. Сон и пламя.
Танцор на грани вымысла и были.*

*Но я коснусь – горячими губами,
А не бесстрастным ветерком от крыльев.*

Мелодия набирала силу, обрастала шлейфом голосов, вбирала в себя новые тембры. Одинокое фортепиано звучало так, словно за дверьми под властью дирижёра пел целый оркестр: в нём слышалось яростное пламя, рушащее судьбы, чёрный металл отчаяния и чистое золото невинных мечтаний, звон осколков кровавого стекла, на которых кто-то с улыбкой кружится в танце, и залиvistый смех над собственной болью. Оно рассказывало о любви и потерях, о счастье, которого можно коснуться рукой, и вечности, ждущей в конце пути; о непролитых слезах и словах, что не прозвучали, обо всём, что когда-либо было тебе желанно, и утраченном, что хотелось бы, но невозможно вернуть.

*Ты не успеешь удержать виденье,
И песню тени – не живым подслушать.
Я появлюсь, как призрак, на мгновенье
И ускользну, забрав на память душу.
Лиловым ветром в волосы подую,
Погладит щёку шёлк туманной пряди...
В стiletной вспышке стали – околдую.
В кровавом вихре танца – жар объятий.*

В проигрыше Ева дёрнула ручку, приоткрыв дверь на щёлочку. Кейлус сидел на широкой банкетке за расписным зо-

лочёным инструментом. Руки ласкают клавиши, на лице с полуприкрытыми глазами – ни тени улыбки-издевки, что обычно искажала его трещиной по витражу.

Ева смотрела, как его губы золотым бархатом льют голос, хрипотца которого уступила место кристальной чистоте. И больше всего на свете желала поверить, что это морок, колдовство, попытка задурить ей голову, что в действительности поёт волшебный ключ в замочной скважине...

Что угодно. Кто угодно.

Не человек, которого ей нужно убить.

*Однажды танец оборвётся в бездну,
И некому поймать. И нечем клясться.
И мне не надо белизны помпезной —
Её так просто сделать серо-грязной...
Ты не подаришь мне любви мгновенье,
А я не врежусь сталью в твоё сердце.
Я знаю путь сквозь пламя и сквозь время,
Короткий – вечный – контрданс со смертью¹¹.*

Песня взлетела к кульминации – и в трагедии, обрывающей голос, как неизбежно обрывается земной путь, свет восторжествовал над тьмой, красота над мраком, вечность над забвением. Прощаясь, ветром в крыльях одинокой птицы пели фортепианные пассажи, хрустальными цветами распускались в мелодии трели, победными колоколами разливались

¹¹ Стихи Марка Шейдона.

в аккомпанементе аккорды; и музыка окутала собою всё, забила в сердце вместо пульса, заполнила душу, забирая от туда всё до капли, чтобы взамен оставить то, что прежде ты едва ли чувствовал и осознавал...

За миг до того, как стихли финальные ноты, Тим мягко, но непреклонно притворил двери. Только тогда Ева осознала: всё время, пока она всматривалась в мужчину за инструментом, его секретарь напряжённо следил за ней.

Когда в коридоре воцарилась тишина, в которой лишь болела вывернутая музыкой душа да потихоньку исчезал ком в горле, оба долго молчали.

– Это... это правда написал он?

Вопрос прозвучал так тонко, словно привычный голос Евы ушёл в эфемерное заграние вслед за голосом, певшим только что. И пока отказывался возвращаться.

Она думала, что музыка Кейлуса Тибеля слишком бездарна, чтобы стать популярной... Но всё оказалось проще – и печальнее. Эту дерзкую, необычную, опередившую время красоту мог понять лишь тот, кто жил в двадцать первом веке; тот, кто рос, когда уже родились и прославились Шостакович, Свиридов и Шнитке, металлисты и рокеры.

И совсем немногие из тех, кто обитал в местном аналоге века девятнадцатого – в лучшем случае.

– Естественно. Стихи тоже. – Быстрым гибким движением поднявшись с пола, Тим аккуратно, абсолютно неслышно достал из двери светящийся ключ. Сунув его в карман,

отступил на шаг – так, чтобы не помешать выходу из комнаты, но остаться преградой между дверью и Евой. – Ещё одна причина, по которой я всегда буду на его стороне.

Она посмотрела на свою опущенную руку, в пальцах по-прежнему сжимавшую Люче. Потом – снова – на дверь.

Кейлус вышел из гостиной парой мгновений позже, озарив коридор полоской света из комнаты и стынувшей в лице счастливой опустошённостью того, кто только что отдал всего себя чему-то бесконечно любимому.

При виде Евы последнее тут же ушло, за секунду уступив место ядовитой насмешливости, которую она уже привыкла наблюдать.

– Какая встреча, – изрёк Кейлус. – А я как раз закончил...

В миг, когда взгляд тёмных глаз скользнул по Евиной руке к рапире, золотое лезвие метнулось к его горлу – мимо русских кудрей Тима, стоявшего всего на полшага левее, чем было необходимо для живого щита. Остановилось, почти коснувшись кончиком цели.

Со смесью ужаса и торжества Ева поняла, что остановилось оно по её собственной воле.

– Вижу, беседе ты всё же предпочла вариант, в котором разбиваешь мне голову, – без тени испуга констатировал Кейлус, когда волшебный клинок пощекотал ему кожу под подбородком. – Тим, в сторону.

– Кейл...

– В сторону. С этим я разберусь сам.

Поколебавшись, юноша отступил; в глазах его полыхала приглушённая ярость. На периферии зрения Ева заметила в тёмной глубине коридора две тени. Те самые типы из Охраны?..

Закрытие, просыпавшееся на неё снопом фиолетовых искр секундой спустя, рапира разбила одним лёгким круговым движением. Впитав искры в лезвие, на миг полыхнувшее ярче, тут же вернулась обратно, к горлу потенциальной жертвы – Ева и глазом моргнуть не успела. Надо же, оружие гномов и такое умеет... Хотя если у Миракла есть заговорённый и отражающий магию плащ...

– Значит, вот каков твой обещанный Лоурэн клинок. – Кейлус Тибель знаком остановил своих людей, готовых устранить угрозу. – Спокойно. Она не опасна.

– Ошибаетесь, – процедила Ева, глядя на него глаза в глаза.

– Ты не убила Тима. Дважды. И только что не убила меня, хотя тебе представилась возможность. Значит, не сможешь убить вовсе.

– Да ну?

Мимолётная мысль, передавшаяся рапире, потянула руку за подавшимся вперёд лезвием.

По шее Кейлуса алой нитью скатилась кровавая капля – но тот даже улыбаться не перестал.

– Буффонада, кошечка. Я знаю, как работают волшебные мечи, и знаю, как работает твой браслет. Если б ты *правда*

хотела меня убить, то либо я уже был бы мёртв, либо – что скорее – ты бы уже застыла статуей.

На вытянутой руке устремив рапиру туда, где под тонкой белой кожей бился пульс, Ева до неоощущаемой боли стиснула зубы.

Кейлус Тибель заслуживает смерти. Заслуживает. Он пытался убить Герберта. Он убил мальчишку из книжной лавки. Он похитил её. А всё, что она видела и слышала, наверняка было подстроено. Срежиссировано. Сыграно, как пьеса в театре.

И музыку, вывернувшую её душу наизнанку, написал вовсе не он.

– Браслет зачаровывали не вы. Значит, с вашей смертью чары не разрушатся. Просто убив вас, я не слишком много выиграю.

...но даже если тот романс написал не он, он сыграл его так, что Еве хотелось плакать; так, что она снова ощутила себя той семилетней девочкой, которая слушала Рахманинова в Большом Зале Консерватории, влюбляясь в музыку впервые и на всю жизнь. И спел, как, должно быть, пел Призрак Оперы.

Как выяснилось, в конечном счёте, все представители королевской семьи были гениями. Каждый – в своём.

– Отпустите меня, – сказала Ева, уперев рапиру ему в кадык, едва заметный на гладкой шее. – Немедленно.

– Не то что?

– Не то я убью вас. А потом, если смогу, всех присутствующих. Ваша смерть мне, может, не слишком много даст, зато вы с ней очень много потеряете.

– Не сможешь, – повторил Кейлус.

– Хотите проверить?

– Изволь.

Пару бесконечно долгих секунд Ева смотрела, как плещется насмешка в его глазах.

Вот сейчас. Пожелать убить его – и Люче исполнит желаемое. Наверняка исполнит. Обезглавит врагов. Обезопасит Герберта. Сделает всё гораздо проще. Даже если в конце концов Ева проиграет типам из Охраны, второй раз ей всё равно не умереть.

...и убьёт не только врага, но и всю красоту, что рождалась под его пальцами и на его губах. Изрежет неизвестное полотно Да Винчи. Сожжёт непридуманную пьесу Шекспира. Изорвёт в клочки ненаписанную сонату Бетховена. Сделает то же, что сделала Айрес, уничтожив музыку в сердце Гертруды – если не хуже.

Не может тот, кто заслуживает смерти, нести в себе столько света и огня, сколько звучало в его голосе и в его игре.

...один короткий укол...

В миг, когда Евины пальцы окутала зеленоватая дымка, рапира скользнула вперёд коротким косым движением. Вперёд и вниз.

Куда ниже, чем было нужно. Или выше. Как посмотреть.

Девичью руку обвинил невидимый хлыст, рывком оттягивая ладонь в сторону, выдёргивая лезвие из раны. Когда Ева без сил повисла на незримой петле, магией захлестнувшей кисть, Кейлус Тибель недоумённо дотронулся до своего плеча, пронзённого зачарованной сталью – так, словно его коснулся нежданный поцелуй. Отняв руку от рубашки, на которой по бордовому шёлку расплзлось тёмное пятно, взглянул на пальцы, окрасившиеся алым.

Посмотрел на Еву – и на злые слёзы, катившиеся по её щекам.

Не ударила. Не в шею. Не в сердце. Не убила. Не смогла. Нелепо, неразумно, не...

– Ненавижу, – выпустив рапиру из руки, выплюнула Ева, прежде чем танцующие искры чужого заклятия погрузили её во тьму. Не зная, кого ненавидит больше – его или себя.

Тим позволил себе выдохнуть, лишь когда Кейлус подхватил падающую девушку, прежде чем та успела рухнуть на пол, и, скривившись, тут же передал пленницу на руки секретарю, чтобы схватиться за раненое плечо.

– Простите, – виновато вымолвил один из охранников, подступив ближе. – Мы пытались её обезоружить...

– Её пальцы должно было парализовать до атаки. Которую браслет в принципе не мог допустить, – добавил другой. – Не понимаю, почему чары дали осечку.

– Волшебный меч, чтоб его. Видно, защищает владели-

цу от любых возможностей его потерять. – Кейлус опустил взгляд на ладонь, прижатую к ране. – К тому же девчонка всё равно что мертва, и многие заклятия на ней просто не могут сработать так, как должно.

– Наша ошибка.

– Нет. Моя. Я её недооценил... Или, если подумать, оценил совершенно верно. – Хозяин дома поморщился. – Тим, в спальню её.

– Рану подлечим, – сказал охранник, когда его товарищ склонился над оброненной рапирой, а Тим безмолвно удалился, – а с рапирой что делать? Магическое оружие не дастся в руки посторонним.

– Оставьте, где лежит. Лиоретта со своей игрушкой сама разберётся, как очнётся.

Оба охранника – тот, что разглядывал невинно золотившееся лезвие, где не было ни следа крови, и тот, что стоял рядом – изумлённо воззрились на Кейлуса, глядевшего вслед своему секретарю.

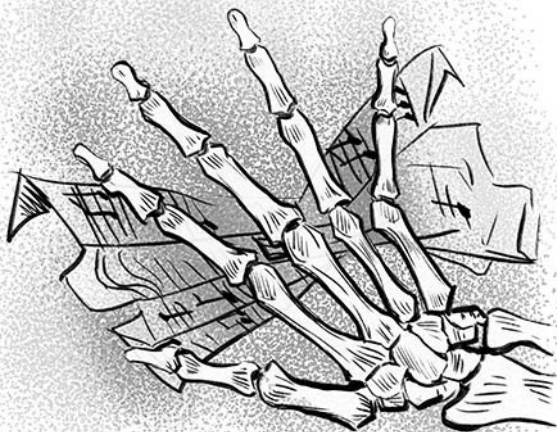
– Вы что, позволите девчонке снова взять её в руки?

– После такого?

– Девчонка только что доказала, что не опасна. Не смертельно. И, надеюсь, сама это уяснила. – Кейлус обратил на рапиру взгляд, сделавшийся ещё более задумчивым. Отвернулся, хмыкнув в такт своим мыслям. – В конце концов, ей предстоит этой шпилькой воплощать пророчество... Каким бы образом оно в итоге ни воплотилось.

Глава 8

Cantabile¹²

¹² Певуче (муз.).

Ровно в три Герберт и Миракл стояли на перекрёстке у въезда в окружающий столицу лес.

По иронии судьбы место дуэли располагалось не столь далеко от загородного имения Тибелей, унаследованного Кейлусом. По традиции секундантом назначили человека, хорошо знающего и хорошо относящегося к обоим; таковым стал Кроу Соммит, теперь с несчастным видом державший в руках две шпаги. Ещё парочка свидетелей – из числа главных придворных сплетников – стояла поодаль, жадно внимая бесплатному представлению.

– Не желаете примириться? – безнадёжно осведомился Кроу, который по щиколотку утонул в снегу, подметая плащом белый наст на придорожных сугробах.

– Нет, – хором ответили оба Тибеля, застыв друг против друга с холодной злобой на лицах.

Кроу сдул с губ смоляные волосы. Посмотрел на стену леса впереди так, будто надеялся, что оттуда выйдет кто-нибудь, кто прервёт это безобразие.

Конечно, братья посвятили его в фиктивность дуэли. И всё равно Кроу эта затея совершенно не нравилась – что в конце концов лишь помогало ему убедительно отыгрывать роль.

– Поскольку выбор оружия всегда за вызываемой стороной, – молвил он, не дождавшись появления мифического пришельца, который завершит дуэль до её начала, – схватка пройдёт на шпагах. – Кроу покосился на наследника трона. –

Уэрт, ты уверен, что хочешь драться с чемпионом арены? Если я помню, ты не слишком... м... твои силы немножко в другом.

– Отец учил меня владеть не только Даром, – отчеканил тот. – И брат некогда тоже.

– В чём теперь невероятно раскаивается, – бросил Миракл презрительно.

– Мелочен даже в этом.

Кроу прервал перебранку раздачей оружия, взамен приняв от братьев плащи, и встал подле свидетелей.

– Разойдитесь на позиции. Начинаем на счёт «три». – Он вскинул ладонь на уровень глаз, пока братья отступали друг от друга ровно на пять шагов. – Раз, два...

Когда рука в чёрной перчатке опустилась, лезвия шпаг серебром вспороли морозный воздух.

Первые удары брата Герберт и правда отразил умело, хотя в атаке ему не подыгрывали. Но успел отразить только их, прежде чем из снежного вихря соткалась фигура, появление которой пришлось одновременно кстати и некстати.

При виде её Кроу поспешил склониться в поклоне – впрочем, не таком низком, какими вышли раболепные поклоны других свидетелей, чьи лица вытянул суеверный ужас:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.